

с е т е в о й   н а у ч н ы й   ж у р н а л   ISSN 2313-8912

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

RESEARCH RESULT

Том 2 | № 3
Volume 2

ВОПРОСЫ
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
И ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ

THEORETICAL
AND APPLIED
LINGUISTICS

Сайт журнала:

research-result.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Том 2, №3. 2016

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2313-8912

Volume 2, № 3. 2016

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2313-8912

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Дехнич О.В.**, кандидат филологических наук,
доцент
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: **Деревянко Ю.С.**
РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: **Ляшенко И.В.**, кандидат
филологических наук, доцент

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Алефиренко Н.Ф., доктор филологических наук, профессор
Аматов А.М., доктор филологических наук, профессор
Багана Ж., доктор филологических наук, профессор
Беседина Н.А., доктор филологических наук
Огнева Е. А., доктор филологических наук, профессор
Дьяченко Т. Д., кандидат филологических наук, доцент
Фарзад Шарифиан, доктор филологических наук, профессор,
Австралия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виноградов В.А., доктор филологических наук, член-корреспондент
РАН, Россия
Вальтер Г., доктор филологических наук, профессор, Германия
Вишнякова О.Д., доктор филологических наук, профессор, Россия
Воркачев С.Г., доктор филологических наук, профессор, Россия
Гренарова Ренее, доктор педагогики, доктор философии, Чешская
Республика
Златев Дж., доктор философии, профессор, Швеция
Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор, Россия
Клепикова Т.А., доктор филологических наук, профессор, Россия
Пернель Б., доктор филологических наук, профессор, Франция
Магировская О.В., доктор филологических наук, профессор, Россия
Панасенко Н.И., доктор филологических наук, профессор Словакия,
Украина
Порхомовский В.Я., доктор филологических наук, профессор, Россия
Соколова Я., кандидат филологических наук, профессор, Словакия
Хлебда В., доктор филологических наук, профессор, Польша

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF: **Olga V. Dekhnich**, Ph.D. in Philology, Associate Professor
EXECUTIVE SECRETARY: **Yulia S. Derevyanko**
ENGLISH TEXT EDITOR: **Igor V. Lyashenko**, Ph.D. in Philology, Associate
Professor

EDITORIAL BOARD:

Alexandr M. Amатов, Doctor of Philology, Professor
Baghana Jerome, Doctor of Philology, Professor
Elena A. Ogneva, Doctor of Philology, Professor
Natlia A. Besedina, Doctor of Philology, Professor
Nikolai F. Alefirenko, Doctor of Philology, Professor
Tatiana D. Dyachenko, Ph.D. in Philology, Associate Professor
Farzad Sharifian, Doctor of Philology, Professor, Australia
CONSULTING EDITORS:
Beatrix Pernelle, Doctor of Philology, Professor, France
Harry Walter, Doctor of Philology, Professor, Germany
Jana Sokolova, Candidate of Philology, Professor, Slovak Republic
Jordan Zlatev, Doctor of Philosophy, Professor of General Linguistics, Sweden
Nataliya I. Panasenko, Doctor of Philology, Professor, Slovak Republic,
Ukraine
Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Philology, Professor, Russia
Olga D. Vishnyakova, Doctor of Philology, Professor, Russia
Renée Grenarová, PaedDr, PhD, Assistant Professor, Czech Republic
Sergey G. Vorkachev, Doctor of Philology, Professor, Krasnodar
Tatiana A. Klepikova, Doctor of Philology, professor, Russia
Victor A. Vinogradov, Doctor of Philology, Russian Academy of Sciences
Corresponding Member, Russia
Victor Ya. Porkhomovsky, Doctor of Philology, professor, Russia
Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Russia
Wojciech Chlebda, Doctor of Philology, Professor, Poland

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.
Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education
«Belgorod State National Research University»
Publisher: Belgorod State National Research University
Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Кураш С.Б., Ааматов А.М., Свищев Г.В.
Национальные языки в современном мире: борьба за «чистоту» 3

РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ковзеле О.Г., Королёва Е.Е. Передача здорового и болезненного состояния человека посредством растительного кода сравнений (на русском и латышском материале) 8

Ляшенко И.В., Ромашина О.Ю., Федюнина И.Э. Актуализация «устаревшего» прозвища в украинской и российской блогосферах 15

Vitalii Prystupa Conceptual Metaphors of Anger in Chinese and English: a Contrastive Analysis 20

РАЗДЕЛ III. GERMANIC LANGUAGES

Данилова Е.С. Эксплицитность и имплицитность воздействия на реципиента: роль эпитетов в формировании впечатления об объекте 24

РАЗДЕЛ IV. РУССКИЙ ЯЗЫК

Виолета Джонич Историко-этимологический и лингвокультурный анализ русских фразеологизмов 28

Фуникова С.В. Языковая игра как актуальная тенденция в городской коммуникации (на материалах г. Белгорода) 35

РАЗДЕЛ IV. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

Матиенко А.В. Мониторинг как форма альтернативного контроля по иностранному языку 41

CONTENTS

LINGUISTICS SECTION I. THEORY OF LANGUAGE

Kurash S.B., Amatov A.M., Svishchov G.V.
National Languages in the Modern World: Struggle for "Purity" 3

SECTION II. COMPARATIVE LINGUISTICS

Kovzele O.G., Koroljova E.E. Rendering Human's Health and Disease Conditions by Means of Plant Code Comparisons (on the Basis of Russian and Latvian Materials) 8

Lyashenko I.V., Romashina O.Y., Fedyunina I.E. New life of the "Old" Nickname Moskal in Ukrainian and Russian Blogospheres 15

Vitalii Prystupa Conceptual Metaphors of Anger in Chinese and English: a Contrastive Analysis 20

SECTION III. GERMANIC LANGUAGES

Danilova E.S. Explicit and Implicit Recipient Influence: the Role of Epithets in Shaping an Impression of an Object in Question 24

SECTION IV. RUSSIAN LANGUAGE

Violeta Dzonich Historical, Etymological and Linguocultural Analysis of Russian Phraseologisms 28

Funikova S.V. Language Game as an Actual Trend in the Urban Communication (on the Materials of the City of Belgorod) 35

SECTION IV. INTERDISCIPLINARY RESEARCH IN LINGUISTICS

Matienko A.V. Monitoring as a Form of Alternative Control in a Foreign Language 41

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА**

УДК 811.22

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-3-3-3-7

Кураш С. Б.¹
Ааматов А. М.²
Свищев Г. В.³

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
БОРЬБА ЗА «ЧИСТОТУ»**

- 1) доцент, кандидат филологических наук, доцент. Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина, ул. Студенческая, 28, г. Мозырь, 247760, Беларусь. *text2005@mail.ru*
- 2) профессор, доктор филологических наук, профессор. Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. *amatov@bsu.edu.ru*
- 3) доцент, кандидат филологических наук, доцент. Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. *svishchev@bsu.edu.ru*

Аннотация. Языковое регулирование – это постоянный, непрерывный процесс, реагирующий на происходящие в языке изменения. Научно-технический прогресс и политические события XX века привели к тому, что англицизмы проникают во многие сферы общественной жизни и как следствие в тот или иной язык. В статье рассматриваются некоторые аспекты языкового регулирования с учетом социальных, экономических и политических факторов, а также их отражение в любительских и академических словарях английского и французского языков.

Поскольку основным объектом рассмотрения в данной статье выступает словарный состав, основные методы включают в себя лексикографический, лексико-семантический и морфологический анализ лексических единиц.

В статье показано, что хотя вопросы «чистоты языка» в той или иной форме поднимаются уже несколько веков, подходы к их решению в разных странах существенно отличаются. Прежде всего, эти различия связаны со статусом языка в современном глобализующемся мире. Как следствие, мы имеем широкий спектр политических, экономических и социальных факторов, которые приводят в действие разнообразные механизмы языкового регулирования – от чисто научного интереса или сетований о «красоте исконного языка» до проблем адекватного функционирования и, в конечном итоге, выживания национальных языков.

Ключевые слова: языковая политика, языковой протекционизм, пуризм, заимствования, лексикография.

Kurash S.B.¹
Amatov A.M.²
Svishchov G. V.³

**NATIONAL LANGUAGES IN THE MODERN WORLD:
STRUGGLE FOR «PURITY»**

- 1) PhD in Philology, Associate Professor. Mozyr state pedagogical university I.P. Shamyakin, Studencheskaya str., 28, Mozyr, 247760, Belarus. *text2005@mail.ru*
- 2) PhD, professor, Belgorod national state research university, Pobedy str., 85, Belgorod, 308015, Russia. *amatov@bsu.edu.ru*
- 3) PhD in Philology, Associate Professor Belgorod national state research university, Pobedy str., 85, Belgorod, 308015, Russia. *svishchev@bsu.edu.ru*

Abstract. Language regulation is a continuous process that comprises any changes to a natural language. The information revolution at the turn of the 20th century brought about the facts of English lexicon penetrating throughout quite a few of industries and other areas of public life. The paper deals with some aspects of language regulation under the pressure of social, economic, and political issues as parts of national language policies as well as their actualization in modern amateur and academic dictionaries of English and French.

As this paper mainly focuses on vocabulary, lexicographical, semantic, and morphological analyses are used throughout the main part. It has been shown in the paper that language regulatory processes have been an issue for some centuries now, although approaches are very different throughout nations. For one thing, the difference may be attributed to different statuses that languages have in the modern global world. Therefore, various political, economic, and social factors provoke a wide range of measures in language regulation policies, from mere scholarly interests or lamenting over ‘the beauty of the original language’ to the issues of a language’s adequate functioning and, ultimately, survival.

Key words: language policy, linguistic protectionism, linguistic purism, adopted words, lexicography.

Проблема «чистоты» родного языка, его избавления от иноязычных заимствований не нова и является актуальной в современных условиях глобализации, когда англицизмы проникают во многие языки.

Тем не менее, хотя английский язык обычно обвиняют в такого рода «вторжениях» в другие языки (прежде всего в их словарь), примерно до XIX века ситуация была скорее обратной. Дело в том, что в процессе экономического и политического развития языки могут меняться ролями, «доноры» периодически становятся «реципиентами» и наоборот. В частности, английский язык лишь в XX веке начал своё беспрецедентное распространение в мире. На протяжении нескольких столетий до этого английский язык был скорее «импортёром», нежели «экспортёром» лексики. Это наглядно демонстрирует тот факт, что только 25% лексики современного английского языка имеют германское происхождение, причём не обязательно англосаксонское (сюда также входят слова немецкого, нидерландского, норвежского, датского происхождения). Для сравнения, латынь и французский язык как источники дают более 28% современного английского словаря каждый [6].

Поскольку подавляющее большинство заимствований пришло в среднеанглийский язык, идея о том, что исконные слова англосаксонского происхождения должны иметь приоритет в употреблении перед иностранными (в основном романскими, латинскими и греческими) высказывалась уже в ранненовоанглийский период. Так, Джон Чик, известный английский учёный, государственный деятель и писатель, сообщал в своём письме Томасу Хоби в 1561 году: «Я придерживаюсь того мнения, что писать на нашем родном языке надлежит чисто, без примесей и заимствований из других языков, ибо если мы всё время будем брать и не будем отдавать, язык наш станет банкротом» [7].

В XIX столетии ряд английских лингвистов и писателей выступили с попыткой «очистить» язык от иностранных наслоений. Наибольшую

известность в этой связи приобрёл Уильям Барнс, разработавший и применивший для этого ряд методов, в частности, возвращение устаревших слов взамен заимствований, кальки с заимствованных слов при помощи английских морфем и создание новых слов с использованием английских корней и аффиксов.

С тех пор сторонники «чистоты» английского языка (впрочем, довольно немногочисленные) развили методы Барнса, реконструировав значительную часть вокабуляра и даже несколько изменив грамматику (преимущественно морфологию). В частности, можно отметить в этой связи книгу известного американского писателя-фантаста Пола Андерсона «Uncleftig beholding», посвящённую ядерным исследованиям и написанную на «оригинальном английском» [3]. Одной из последних крупных работ в этом направлении можно назвать книгу Дэвида Коули «Как бы мы говорили, если бы англичане победили в 1066 году?» [4].

Термин *English*, введённый первоначально в шутку английским юмористом Полом Дженнингсом в далёком 1968 году, в настоящее время часто используется (в противоположность официальному English) для обозначения той или иной формы «чистого» английского языка (прежде всего, словаря), воссозданного на основе корней и морфем германского (преимущественно англосаксонского) происхождения. Существуют сайты, на которых представлены достаточно сложные системы лексической деривации и соответствующие словари «правильного» английского языка (например [5], [9]).

В частности, кардинальному пересмотру подвергаются названия наук, в подавляющем большинстве представляющие собой интернационализмы на основе латинских и греческих корней. Наиболее продуктивным здесь выступает элемент *lore* (устар. «знание, учение, искусство»), которым заменяются греческие и латинские элементы (*-logy*, *-istics* и т.д.). Так, лингвистика в словарях *English* обычно обозначается как *speechlore* – сложное слово из

исконных английских компонентов. Здесь следует отметить, что корректность самого термина вызывает нарекания: поскольку объектом языкознания всё-таки является не речь, а язык, то можно предложить более адекватный термин *tunglore*. Составными частями лингвистики, соответственно, являются *wordsetting* (синтаксис), *wordlinglore* (морфология), *meaninglore* (семантика), *dinlore* (фонетика). Сюда же примыкают смежные и междисциплинарные области знания, такие, как *mindspeechlore* (психолингвистика), *guildspeechlore* (социолингвистика), *speechgaining* (преподавание языков) и т.д.

Среди прочих названий наук и отдельных направлений можно отметить *lifelore* (биология), *littlifelore* (микробиология), *landshape* (география), *telcraft* (математика), *shapelore* (геометрия) и другие.

Ономастика также не избежала внимания пуристов: так, существенным трансформациям подверглись наименования многих стран, в особенности те, где содержатся нарицательные имена. Так, Соединённые Штаты Америки в English получили название *Banded Folkdoms of Americksland*, Россия – *Russland* (практически идентично немецкому), Беларусь – *White Russland*, Франция – *Frankland*, Япония – *Dawnland* («Страна зари», т.е. «восходящего солнца»), Корея – *Mornfrithland* («Страна утренней свежести») и т.д.

Тем не менее, хотя подобные попытки воссоздания «чистого» английского языка нередко представляют весьма любопытные решения нетривиальных лингвистических задач, в целом они не вызывают сколько-нибудь заметного интереса с точки зрения языковой политики англоговорящих стран. Люди, которые посвящают себя подобной работе, обычно действуют из чисто научного (а иногда и паранаучного) интереса либо же просто тоскуют по «красоте подлинно английского языка».

Иначе складывается ситуация вокруг французского языка, где к решению проблем языкового протекционизма подключены весьма влиятельные политические силы. Ситуация интересна ещё и в том аспекте, что современный французский язык в значительной степени «получает сдачу» теми самыми словами, которые он в своё время щедро раздавал в другие языки, прежде всего в английский.

Научно-технический прогресс XX века привел к тому, что англицизмы проникли во многие сферы общественной жизни Франции. Как следствие Французская Академия публикует

официальные рекомендации для замены того или иного английского термина. Например, в сфере Интернет-технологий появились эквиваленты для электронной почты *e-mail – courriel* (от *courrier électronique*), для именованного хакера *hacker – fouineur* (от глагола *fouiner* ‘всюду совать свой нос; лезть не в свои дела’). Следует отметить, что некоторые из рекомендованных неологизмов ещё не фигурируют в словарях. Так, существительное *fouineur* имеет значение ‘любитель [любительница] ходить по барахолкам, магазинам случайных вещей’. Употребление как можно большего количества незнакомых слов без каких-либо комментариев должно, вероятно, свидетельствовать о профессионализме (или особой посвященности) автора, и в этом есть особый профессиональный шик [2].

Начиная с 1970-х годов правительство Франции законодательно закрепляет термины, которые следует употреблять, избегая иностранных [1]. Так, термин *logicel* ‘программное обеспечение’, предложенный Комиссии по информатике, полностью вытеснил менее чем за десять лет английский *software*. А сам термин *informatique*, неологизм, созданный в 1962 году Филиппом Дрейфюсом из слов *information* ‘информация’ и *automatique* ‘автоматика’, не имеет точного эквивалента в английском языке. Наиболее близкие концепты – *information technology*, *computer science* или *data processing*.

К работе по искоренению англицизмов привлекается и широкая общественность. Так, Государственный секретариат по франкофонии объявил 15 января 2010 года конкурс на лучший инновационный перевод английских слов *buzz*, *chat*, *newsletter*, *talk*, *tuning*, прочно закрепившихся во французском языке. Такая же ситуация складывается в Квебеке, где для английских терминов уже были найдены французские эквиваленты: *chat – clavardage* (от *clavier* ‘клавиатура’ и *bavardage* ‘болтовня’), *newsletter – lettre d’information*, *talk (show) – interview-variétés*. Некоторые технические термины были переведены следующим образом: *podcast – baladodiffusion*, *scanner – numériseur*.

В результате жюри конкурса выбрало варианты, наиболее полно отражающие понятия, представленные английскими терминами. Для слова *chat* предложены существительные *tchatche* и *éblabla*. Очевидно, что *tchatche* напоминает английский термин *chat*, но он представлен во французском написании. Второй вариант *éblabla* содержит в своем составе начальный звук [e], говорящий об электронном общении *électronique*

и французское существительное *blabla* ‘болтовня’. Эти варианты членам жюри показались более адекватными в отличие от существительного *dialogue* ‘диалог’, предложенного Комиссией по терминологии.

Для существительного *newsletter* ‘информационный бюллетень’ был выбран вариант *infolettre* в отличие от канадского варианта *lettre d’information*. Стоящий отдельно от новых технологий термин *talk* представлен французским существительным *débat* ‘обсуждение; дискуссия; спор’. Комиссия по терминологии предлагает заменить английский термин сложным существительным *émission-débat* (от французских существительных *émission* ‘радио- или телепередача’ и *débat* ‘обсуждение’).

Что касается такого понятия, как тюнинг – *tuning* ‘доработка (с целью улучшения потребительских качеств) автомобилей’ был предложен вариант *personnalisation* ‘персонализация; индивидуализация; направленность на каждого отдельного человека’, который не в полной мере отражает суть понятия. В результате жюри остановилось на варианте *bolidage*, что представляется вполне логичным, хотя это существительное и не зарегистрировано в словаре. Оно образовано от спортивного термина *bolide* ‘скоростная, гоночная машина’ и суффикса *-age*, передающего некий процесс или действие, совершаемое над автомобилем.

Языковое регулирование во Франции – это постоянный, непрерывный процесс, реагирующий на происходящие в языке изменения. Так, в связи с началом широкого распространения Интернет-технологий Комиссия по терминологии 16 марта 1998 года опубликовала официальный список французских терминов, которые должны соответствовать английским. Например, *World Wide Web – toile d’araignée mondiale, toile mondiale, toile n. f. sg., Т.А.М., site (de la toile, sur la toile) – website, web site, browser – logiciel de navigation, navigateur*. Влияние английского языка зачастую вызвано в этой сфере влиянием «ложных друзей» переводчика. Так, в информатике английское *library* ‘библиотека’ переведено на французский как *librairie* ‘книжный магазин’ вместо *bibliothèque*. При полном графическом совпадении английского и французского *agenda* происходит неправильное его употребление в контексте, поскольку в английском это ‘программа (работы), план (мероприятий); повестка дня’, тогда как во французском – ‘записная книжка’, например:

L’examen et l’approbation du budget proposé sont inscrits à l’agenda de la réunion mensuelle.

Вместе с этим мы наблюдаем и обратные процессы. В 2015 году во французские словари будут включены около 150 новых лексических единиц, среди которых и заимствования из английского языка [10]. Рассмотрим некоторые примеры.

Так, если существительное *hamburger* – гамбургер уже зафиксировано в словарях несколько десятилетий назад, то с появлением в меню ресторанов нового блюда *burger* – бургер, *burger de poulet, au poulet* – бургер с цыплёнком, существительное *burger* найдет свое место в словарях французского языка. Это американизм, который является сокращением от *hamburger* – гамбургер.

Не остались в стороне и термины, связанные с Интернет-технологиями. Короткая и забавная циклическая анимация передается существительным *gif* – гиф, образованным от английского *Graphic Interchange Format* – формат графического обмена.

В связи с развитием микроблогов социальных сетей появился термин *hashtag* – хэштег или хештег, метка (от англ. *hashtag* от *hash* – символ «решетка» + *tag* – тэг), который позволяет объединить группу сообщений по теме или типу.

Еще одно существительное, заимствованное из английского языка, *troll* – троль означает с середины 2000-х годов человека-зануду, известного своими неуместными комментариями и обсуждениями на форумах или в социальных сетях в Интернете.

Несколько существительных, включаемых в словари, передают некоторые реалии социальной среды и культуры. Молодой городской житель с особым вкусом в одежде в противоречие массовой культуре – это *hipster* – хипстер. Для него также характерны фуражка, большие очки, окладистая борода. Изначально в 1950-е годы в английском языке хипстером называли любителя джаза. Ещё одно явление захлестнуло мир социальных сетей в 2013 году. Это цифровой автопортрет, т.н. *selfie* – селфи (от англ. сам).

Ещё одно заимствование, входящее в новые словари французского языка, связано с советской жидкостной одноступенчатой баллистической ракетой Р-11 и её последующими модификациями. По натовской классификации это изделие именовалось как *SS-1 Scud-A* (англ. Шквал). Остается догадываться, каким образом название ракеты, применяемой во многих

военных конфликтах, вошло в язык как существительное *scud* со значением ‘резкая критика’, ‘нагоняй’. Например: *La candidate a envoyé un bon scud à son adversaire* – Кандидат жёстко раскритиковала своего противника; *Je me suis pris un scud pour 4 minutes de retard* – Я получил нагоняй за 4 минуты опоздания.

Таким образом, бурное развитие международных отношений, межъязыковые контакты, внедрение технологических новинок, например, SMS, ICQ, Facebook, ведут к обоснованному появлению в том или ином языке лексики, отражающей эти реалии. В процессе их функционирования происходит ассимиляция данных терминов, но иногда исчезает само явление и вместе с ним и лексическая единица как, например, пейджер. Тем не менее вопросы языкового регулирования являются неотъемлемой частью государственной политики в области языка с учетом социальных, экономических и политических факторов.

Список литературы

1. Гулинов Д.Ю. Языковая политика в аспекте масс-медийного дискурса (на материале французского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. No 9 (27): в 2 ч. Ч. I. – С. 48-51.
2. Кронгауз, М.А. Русский язык на грани нервного срыва. [Электронный ресурс]. Режим доступа: lib.rus.ec/b/157850/read (дата обращения: 03.09.2016).
3. Anderson, P. Uncleftish Beholding. Analog Science Fiction/Science Fact, vol. 109, # 13, 1989. Pp. 132–135.
4. Cowley, D. How we'd talk if the English had won in 1066, London: Bright Pen Books, 2009.
5. Ednew English. URL: <http://ednewenglish.tripod.com/index.htm> (дата обращения: 03.09.2016).
6. Finkenstaedt, T., D. Wolff Ordered profusion; studies in dictionaries and the English lexicon. Heidelberg: C. Winter, 1973.
7. Langer, N., Winifred V. Davies. Linguistic purism in the Germanic languages. Dordrecht: Walter de Gruyter, 2005.

8. McIntyre, John E. *Secrets of the Peevers*. The Baltimore Sun, May 14, 2014.
9. The English Moot. URL: http://english.wikia.com/wiki/Main_leaf (дата обращения: 03.09.2016)
10. Andy, David Les nouveaux mots du dictionnaire 2015. URL: <http://www.linternaute.com/actualite/societe-france/les-nouveaux-mots-du-dictionnaire-2015> (дата обращения: 03.09.2016)
11. Guiraud Pierre, *Problèmes et méthodes de la statistique linguistique*, Dordrecht: Springer. 1959.

References

1. Gulinov D.Y. Language policy in the aspect of mass media discourse (on the material of the French language) // Philology. Questions of theory and practice. (in Russian). Tambov: Gramota, 2013. № 9 (27), Book 1. Pp. 48-51.
2. Krongauz M.A. Russian language is on the verge of a nervous breakdown (in Russian): lib.rus.ec/b/157850/read (date of access: 03.09.2016).
3. Anderson P. Uncleftish Beholding. Analog Science Fiction/Science Fact, vol. 109. 1989. №13, Pp. 132-135.
4. Cowley D. How we'd talk if the English had won in 1066, London: Bright Pen Books. 2009.
5. Ednew English. URL: ednewenglish.tripod.com/index.htm (date of access: 03.09.2016)
6. Finkenstaedt, T., D. Wolff, Ordered profusion; studies in dictionaries and the English lexicon. Heidelberg: C. Winter. 1973.
7. Langer, N., Winifred V. Davies. Linguistic purism in the Germanic languages. Dordrecht: Walter de Gruyter, 2005.
8. McIntyre, John E. *Secrets of the Peevers*. *The Baltimore Sun*, May 14, 2014.
9. The English Moot. URL: http://english.wikia.com/wiki/Main_leaf (date of access: 03.09.2016)
10. Andy David. Les nouveaux mots du dictionnaire 2015. URL: <http://www.linternaute.com/actualite/societe-france/les-nouveaux-mots-du-dictionnaire-2015>. (date of access: 03.09.2016)
11. Guiraud Pierre, *Problèmes et méthodes de la statistique linguistique*, Dordrecht: Springer. 1959.

РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-3-3-8-14

Ковзеле О. Г.¹
Королёва Е. Е.²

**ПЕРЕДАЧА ЗДОРОВОГО И БОЛЕЗНЕННОГО СОСТОЯНИЯ
ЧЕЛОВЕКА ПОСРЕДСТВОМ РАСТИТЕЛЬНОГО КОДА СРАВНЕНИЙ
(НА РУССКОМ И ЛАТЫШСКОМ МАТЕРИАЛЕ)**

- 1) исследователь Института гуманитарных и социальных исследований, доктор филологических наук
2) ассоциированный профессор Института гуманитарных и социальных исследований, доктор филологических наук
Даугавпилсский университет, ул. Виенибас, д. 13, Даугавпилс, LV-5401, Латвия,
e-mail: oksana.kovzele@du.lv, jelena.korolova@du.lv

Аннотация. В статье рассмотрены разные по своему статусу, происхождению, употреблению и времени функционирования сравнительные конструкции: русские разговорные и фольклорные частушечные, а также латышские книжные, принадлежащие художественному идиолекту Анны Бригадере (1861-1933). Разговорные сравнительные конструкции зафиксированы в 16 населенных пунктах Латгалии (юго-восточная часть Латвии). Эталоном сравнения (компонент, с которым сравнивают) в них выступает фитоним. Растительный код – индикатор проявлений как нормального, здорового (сила, красота, бодрость духа, оптимизм, крепкое телосложение), так и аномального, болезненного (бледность, слабость, худоба, новообразования на теле и как результат болезни – смерть) состояния человека физического. Сравнительная перспектива позволяет сделать вывод о важнейших лингвокультурных особенностях населяющих Латвию русских (староверы) и латышей (католики), что проявляется в частотности использования растительных образов и их номенклатурном многообразии. Особый интерес представляют ассоциации на одни и те же эталоны, закрепленные в сознании русских и латышей, что находит прямое отражение в различном оценочно-смысловом наполнении эталонных фитонимов.

Ключевые слова: растительный код; сравнение; эталон; здоровье; болезнь; русский; латышский

Kovzele O. G.¹
Koroljova E. E.²

**RENDERING HUMAN'S HEALTH AND DISEASE CONDITIONS
BY MEANS OF PLANT CODE COMPARISONS
(ON THE BASIS OF RUSSIAN AND LATVIAN MATERIALS)**

- 1) PhD in Philology, Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences,
2) PhD in Philology, Associate Professor, Institute of Humanities and Social Sciences,
Daugavpils University, 13 Vienibas St., Daugavpils, LV-5401, Latvia, *e-mail: oksana.kovzele@du.lv, jelena.korolova@du.lv*

Abstract. The article discusses comparative constructions that are different in status, origin, use and time of functioning: Russian colloquial and folklore comparisons, as well as Latvian bookish comparisons belonging to the artistic idiolect of Anna Brigadere (1861-1933). Colloquial comparative constructions were recorded in 16 localities of Latgale (South-Eastern part of Latvia). The basis of comparison (the component to which something is compared) in the comparisons is a phytonym. The plant code serves as an indicator of manifestations of both normal, healthy (strength, beauty, cheerfulness, optimism, strong physique), and abnormal, unsound (pallor, weakness, thinness, growths on the body and death as a result of a disease) physical condition of a person. The comparative perspective allows for drawing a conclusion about the most significant linguo-cultural features of Russians (Old Believers) living in Latvia and Latvians (Catholics), which are manifested in the frequency of the use of plant images and their manifold nomenclature. Association with the same bases of comparisons enshrined in the minds of Russians and Latvians are of particular interest; it is directly reflected in a different evaluative semantic content of the phytonyms – bases of comparisons.

Key words: plant code; comparison; basis of comparison; health; disease; Russian; Latvian.

Введение

«Здоровье» и «болезнь» – «специфические ментальные конструкты или концепты, отражающие этнопсихологическое своеобразие» отдельно взятой картины мира [12, с. 27], поскольку «национально специфичные образы здоровья и болезни несут в себе не универсальные, а скорее «локальные» коллективно разделяемые значения и выполняют регуляторную функцию лишь в пределах конкретных этнических групп и сообществ» [12, с. 28]. В этой связи определенный интерес представляет архаичная и универсальная по своей природе практика соотнесения здоровья с «полнотой природной, прежде всего растительной жизни» [3, с. 68], т.е. выражение нормального и/или болезненного состояния человека посредством актуализации фитонимической (растительной) лексики [7] (в научной литературе существует целый ряд синонимов для обозначения этих понятий: фитокомпоненты [2], фитосимволы [9], флористическая лексика [1] и т.д.). Рассмотрим, как растительный код воплощается в русских и латышских сравнительных конструкциях, тематически связанных со здоровым и болезненным состоянием человека физического.

Цель работы

В статье предпринята попытка сопоставительного анализа двуязычного языкового материала сравнительных конструкций с целью выявления универсальных и национальных (отчасти, индивидуальных) механизмов концептуализации окружающего пространства.

Материалы и методы исследования

В работе представлен русский и латышский языковой материал в сравнительной перспективе. Речь идет о межнациональном (русские и латыши) и межстилевом (диалект и литературный язык), межконфессиональном (староверы и католики) и междискурсном (живая разговорная речь и язык художественной литературы) сравнении. Учитывается локальная традиция Латвии, характеризующаяся общностью территории, культурно-исторической и экономической ситуации, языковым и культурным многообразием.

Базой исследования послужили 458 сравнительных конструкций, извлеченных из художественного наследия А. Бригадере (проанализированы все произведения автора) и спонтанной разговорной речи староверов Латгалии. Отобраны соответствующие антитезе

«здоровье – болезнь» сравнительные конструкции, использующие растительный код. Их оказалось 66.

В рамках исследования используется комплекс научных методов и подходов: описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод, метод систематизации языкового материала, а также интервью (полевой сбор русского материала).

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ полученных языковых фактов выявил наличие разнообразного растительного кода сравнений. Под «компаративным растительным кодом» в работе понимаются сравнительные конструкции с эталоном-фитонимом: травы, цветы, злаковые и бобовые культуры, овощи, ягоды, грибы и т.д. При этом фитонимы рассматриваются широко, учитываются номинации кустарников и деревьев (дендронимы), а также их составляющие (корень, ствол, ветвь, лист, плод и т.д.).

Анализ материала показал, что тема болезни и здоровья не является одной из наиболее представленных в сравнительных конструкциях растительного кода. Из 458 контекстов лишь в 6,79% случаев (31 сравнение) говорится о здоровье, и это по большей части русские примеры (18 сравнений), недаром здоровье признано константой именно русской культуры [6], в свою очередь 7,64 % случаев (35 примеров) связаны с темой болезни, где также доминирует русский материал (24 примера). Это позволяет сделать вывод о «здоровье – болезни» как об одной из важнейших жизненных ценностей русскоязычной части социума Латвии, латышский автор в этом отношении проявляет сдержанность. При этом речь идет лишь о физическом, а не духовном состоянии человека.

Физическое здоровье человека

Вегетативная метафора человеческой физиологии анализируется в этнолингвистическом аспекте С.М. Толстой [10, с. 338-346]. «Вегетативная метафора может распространяться на весь жизненный путь человека (расцвет, созревание, увядание)» [10, с. 125]. Исследователь Е.И. Кириленко отмечает, что «здоровье – это и красота, передаваемая в языке зачастую растительными метафорами <...>» [3, с. 70].

В русском компаративном материале зафиксирована неразрывная связь народных представлений о здоровье, силе, молодости и красоте. Всеми этими свойствами обладают гипоним «гриб-боровик» и гипероним «цветок»: *Детей насаждают на печку, сидят как боровики*

[14]; *Как боровички сидят – толстенькие, маленькие* (мальчики в первом классе) [15] – ‘о крепких, здоровых детях плотного телосложения’.

Неслучаен факт использования в качестве эталона самого ценного гриба с точки зрения вкусовых предпочтений русских – боровика. Положительный аксиологический заряд денотата переносится на эталон, выступающий в качестве символа крепких, здоровых детей.

Известно, что слово «цветок» используется в устной речи русских как ласковое обращение к молодым людям и детям. Цветок встречается в разговорной речи и в частушках по отношению к юноше и девушке: *Он весь в мать, что она, то и он, я гляжу на него: ну как цветок цветёт, а ещё эта военная вся блестит, и все награды наденет, чтоб погордиться* [26]; *Работающий и людяный рос, как цветок какой* [26]; *Такой малец был, как звонок, как цветок, – такие проекты были* [16]; *Повяжу я, повяжу беленький платочек, Я никем не занята, гуляю как цветочек* [21]; *Гармонист сидит, что во поле цвет, я люблю его, а с ним свиданья нет* [19]. «Во всех славянских языках цвет и цветок относится к молодости или обозначает молодой возраст» [10, с. 341].

Цветок в частушке может быть алым или розовым. Эти колористические прилагательные передают оттенки красного, а в народной культуре «слова с корнями цвет- и крас- устойчиво связываются с представлением о пике жизни, полноте жизненных сил человека» [10, с. 125]. В данном конкретном случае посредством эталона «цветок» актуализируется сохранение оптимизма, жизненных сил и энергии, свойственных молодости, несмотря ни на какие невзгоды, лишения и испытания: *Как на нашей на реке переход берёзовый, Мой милёночек гуляет как цветочек розовый* [21]; *Мой Иванушка женился, посмотрите на меня: я цвету как цветик алый, а он вянет как трава* [25]; *Мне сказали про милого, что худой да маленький. Посмотрите на него – как цветочек аленький* [13]; *Мне сказали про милёнка: худенький да маленький, а сама как посмотрела: как цветочек аленький!* [21]. В частушке встречается фразеологизм «как маков цвет» ‘о румяном лице’: *В огороде растёт тина. Душа ходит, что картина, он цветёт, что маков цвет, я гляжу, что на портрет* [8, 107].

Следует отметить и этимологическую связь цвета жизни, т.е. здоровья с красотой: «Семантически *krasa убедительно реконструируется как ‘цвет жизни’, откуда затем

‘красный цвет, румянец (лица)’, ‘цветение, цвет (растений)’ и, наконец, более общее – ‘красота’» [цит. по 10, с. 132]. Как видим, здоровье, молодость, красота семантически связаны и взаимообусловлены не только в общерусской, но и в общеславянской истории.

В латышском материале эталон «боровик» употребляется для цветообозначения: коричневой и серой крыши и коричневой хозяйственной постройки: *ciema mājas izskatījās kā baraviku galvas* [32, с. 434] / *дома в поселке выглядели как шляпки боровиков*; *no pakalna pacēlās pelēks jumts kā baravika no sūnām* [33, с. 227] / *с пригорка поднималась серая крыша как боровик из мха*; *rija kā brūngana baravika* [33, с. 51] / *рига была коричневой как боровик*.

Эталон «цветок» служит маркером броского внешнего вида и женской привлекательности, тогда как тема здоровья и молодости здесь не актуализируется: *dāmas kā milzīgas kustošas puķes* [32, с. 13] / *дамы как огромные движущиеся цветы*; *viņa starp citām kā puķe vaiņagā* [34, с. 214] / *она среди других как цветок в венке – ‘о красивой, привлекательной женщине, выделяющейся в толпе’*; *sejas kairinošas, skaistas, smaržojošas kā puķi dobes* [32, с. 329-330] / *лица соблазнительные, красивые, пахнущие как цветочные клумбы*; *līdzinājās brīnumpuķei* [31, с. 336] / *напоминала чудо-цветок*; *skaista un apaļa kā tagoņi rītpurs* [31, с. 203] / *красивая и круглая как маковый бутон – ‘о (женской) внешней привлекательности’*; *kā balti sārta ūdensroze* [31, с. 94] / *как бело-алая водяная лилия – ‘о коже на шее’*; *auguņš smūdris un grezns kā meža lilijas kāts* [32, с. 174] / *тело стройное и роскошное как стебель лесной лилии*.

Дендронимический сравнительный материал, в отличие от явного расхождения в использовании флоронимов и маконимов, все же демонстрирует близость русской и латышской лингвокультур. Смысловым комплексом «здоровье, сила, красота» (об особи мужского пола), по мнению русских респондентов и латышской писательницы, обладает гипоним «дуб»: *Восем сынов и ростом по метр восемьдесят – красивые как дубы* [20]; *Мальцев нет на вечереньку, привалят как дубы – это беси набравша тутака* [24]; *Хлопцы якие, як дубы!* [28]; *В Ирютки Гордеихи 14 было, 4 помёрли, 10 осталось, такие как дубы были здоровые, я их помню, плечистые мужчины* [17]; *Чего ж матэльские, их сколько, брательников, чатьре, как дубы здоровые, плечистые* [17]; *И выросли мы все, как дубы* [15] – ‘о красивых, крупных,

физически здоровых, высоких юношах»; *Sergejs bij kā ozols starp kārkliem* [31, с. 179] / *Сергей был* (среди других работников) *как дуб среди лозы* – ‘о красивом, сильном юноше, выделяющемся в толпе’; *biju puisis kā ozols* [29, с. 61] / (о себе) *был парень как дуб* – ‘о здоровом, сильном юноше’; *Un bij vīrs kā ozols un skaists vīrs!* [29, с. 236] / (о священнике) *И был муж как дуб и красивый муж!* – ‘о здоровом, сильном мужчине’.

Скорее всего, положительная коннотация, присущая дубу как священному дереву еще у древних славян [11], сохраняется у русских Латгалии именно благодаря поддерживающему влиянию со стороны латышского языка. В русском узусе во вторичном значении дуб связывается с тупостью.

Физическая болезнь: худоба, бледность, новообразования на теле

Одним из наиболее очевидных проявлений болезненного состояния человека является его чрезмерная худоба [3, с. 70], особенно в преклонном возрасте. «Применительно к человеку физическому сухота означает недостаток «тела» и жизненной субстанции. Восприятие худобы как телесной (физической) недостаточности приводит далее к развитию у сухого значения ‘больной, болезнь’» [10, с. 55-56]. Худоба в русской лингвокультуре представлена тремя эталонами – «трава», «тростинка» и «былинка»: *Как трава, только всё ещё держусь своей хатки* [26] – ‘о чрезмерно худом человеке преклонного возраста’; *Феня эта была худая, тонкая, как тростинка* [27]; *Хрупкая, худенькая девушка. Лена была как тростинка* [24]; *Скромная девочка, красивая, как тростинка, всё слава богу!* [15] – ‘о тщедушном, болезненном человеке’; *Сиротой я росла как былинка в поле, моя молодость прошла у чужих в неволе* [24]; *Какой ты уборщик – как былинка шатается* [22]; *Мама плохая, просто как былинка* [15] – ‘о слабом, худом, болезненно тщедушном человеке’.

Эталон «трава» используется и как прямой аналог старческой слабости и немощи. Здесь явно прослеживается влияние мотива – из земли и в землю пойдешь – из чина отпевания: *Я не человек уже, а трава: человек яко трава!* [26]; *Ты не человек уже, а как трава сухая, а живой в могилу не лягнешь* [26]; *Как трава, только всё ещё держусь своей хибарки, всё охаю, клѣхаю* [26] – ‘о старом, немощном человеке’. «В обрядовой и фольклорной традиции сухие, увядшие растения, ветки, травы, цветы устойчиво ассоциируются с

болезнью» [10, с. 59]. На сухой лес отсылаются болезни в заговорах.

Куда реже слабое, подорванное здоровье, по мнению русских респондентов, напоминает «гриб»: *Раньше люди крепче были, а теперь люди как грибы* [26] – ‘о слабых здоровьем людях’. Старый гриб вызывает устойчивую ассоциацию со старым, больным, утратившим былую красоту человеком: *Я не хвалюсь, по закону я говорю, была я красивая, а ичас как старый гриб!* [23]; *Не признать, как обабки, все старые – людей не признать* [22].

Встречается эталон «моченое яблоко» (яблоко в говорах староверов Латгалии мужского рода): *Так избили, что она была как мочёный яблук* [22] – ‘об опухшем от побоев человеке’.

Латышские компаративные конструкции фиксируют еще одно проявление болезненного состояния – бледность, подобную белизне лепестка лилии: *bāla kā lilijas lapa* [31, с. 289] / *бледная как лепесток лилии*. Выбор этого символа в качестве эталона характерен, по-видимому, для художественного (книжного) стиля и католической культуры. Символизировать бледность может и гриб-трутовик: *Jancis bāls kā rīere* [31, с. 375] / *Янцис бледен как трутовик*.

Следует отметить, что в многочисленных русских примерах зафиксированы различные аномалии человеческого тела – начиная с прыщей и бородавок и заканчивая опасными и злокачественными новообразованиями (вздутые вены, всевозможные опухоли). В данном случае важна округлая или овальная форма аномалии, ее уплотненный состав, который чаще всего ассоциируется с такими эталонами сравнения, как «цветок», «боб» или «горошина»: *А мамки были вены как вот эти цветы – болтались шишки* [20] – ‘о вздувшихся венах’; *Длинный такой, как большой этот боб, соскочит и лопнет* [24] – ‘о большом прыще’; *В моей бабушки была как горошина бородавка, и она ей была родимая* [27]; *Моёй бабушки сестры бородавка на носу, она выросши такая как горошина настоящая* [27] – ‘о бородавке больших размеров’; *Преждевременно, наверно, хватилась, такая, как горошина синяя, такая она уже стала – большую дырку вырезали* [22] – ‘об опухоли’; *В моёй такая как горошина, пошла к врачу, стали подразумевать (подозревать), отправили в Даугавпилс, вырезали* [22] – ‘о новообразовании, грозящем перерасти в раковую опухоль’; *Омертвление отошло, как раздул язык, в рот не лезет, и ему образовалась как бобина синяя* [22]; *В нас в этого коня на плече как бобина, и держится она на трёх волосинах* [22]; *Как дас эта боль отсюда сюда, она уже начала*

как большая бобина, где большой боб [24] – ‘опухоль, желвак размером с боб (раковая опухоль)’.

А. Бригадере в целом опускает анатомические подробности болезни, тем не менее, у нее встречается упоминание о ранах и сильной физической боли. При этом автор использует гипероним «дерево» и его атрибут «веточку»: *man brūces uztrūka kā kokam* [30, с. 74] / у меня прорвались раны, как у дерева – ‘о ранах, которые начали кровоточить или гноиться’; *Mincīte kā vētras liekts zariņš savilkās čokurā* [29, с. 167] / Минците, как согнутая бурей веточка, сжалась в комок – ‘о резком и интуитивном сжатии при боли’.

В латышских компаративных конструкциях также отражается крайне болезненное, близкое к предсмертному, состояние человека. В этом случае используются отмеченные ранее эталоны здоровья со знаком минус. У Бригадере болезнь символизирует гипероним «цветок» (*puķe*), аналог здоровья, молодости, красоты у русских информантов, и гипоним «саженец/росток» (*stāds*), когда речь идет о детях (саженец в качестве эталона вообще отсутствует в русских компаративных конструкциях). Семантика болезни передается предикатами со значением разрушительного действия: саженец сломали, повредили, лишили солнца: *Mildiņa gulēja kā nolauzta puķe* [33, с. 52] / Милдиня лежала как сломанный цветок – ‘о больной, немощной девушке’; *ielūza kātā kā puķe* [32, с. 371] / сломалась в стебле как цветок – ‘о разбитом, болезненном состоянии девушки’; *dzimuši, nīkuši un nobeigušies kā stādi bez saules* [32, с. 392] / (рожденные в пьянстве дети) чахли и умирали как саженцы без солнца – ‘о пагубном влиянии родительского пьянства на здоровье и жизнь их детей’; *bērni auga kā sakropļoti stādiņi* [31, с. 389] / дети росли как поврежденные саженцы – ‘о болезненных, немощных детях’.

Само же наступление смерти в русских и латышских примерах зафиксировано исключительно с привлечением дендронимов. Однако в русском и латышском материале отличается выбор эталонов сравнения. Умерший человек у русских ассоциируется со сломанным дубом: *Тут весь край положило как дубов!* [18, с. 38] – ‘о высокой смертности’, тогда как массовая гибель, как показывает латышский материал, имеет прямую аналогию с увяданием и опадением сухих листьев и ветвей: *Kad tavas dzīves pilnās stundas Kā sausi zari nokritīs* [30, с. 48] / Когда насыщенные часы твоей жизни Как сухие ветви

opadum – ‘о наступлении смертного часа’; *Jelgavā krītot cilvēki kā lapas uz ielām* [29, с. 237] / В Елгаве (от болезни и голода) люди падают на улицах, как листья – ‘о массовой смертности’; *slaucīja Kurzemes ļaudis kā sausas lapas* [33, с. 45] / (войско) сметало курземский люд, как сухие листья – ‘о массовом уничтожении людей’

Заключение

«Характерное для всех языков и культур осмысление человека в категориях растительного мира, основанное на представлении о единстве человека со всей живой природой, обусловило своеобразие вегетативных метафор» [4, с. 283] здоровья и болезни человека. «Здоровье – болезнь» – бинарная оппозиция, отражающая ценностные ориентиры русской и латышской культуры. Эта оппозиция пересекается с оппозициями «молодость – старость» и «жизнь – смерть». Здоровье в русской культуре ассоциируется с молодостью, силой и красотой, признаком которых является розовый цвет лица. В идиолекте А. Бригадере таким эталоном красоты выступает бело-алая водяная лилия.

Болезнь семантически связана с худобой, бледностью, новообразованиями на теле, отсутствием жизненных сил в организме. В растительных сравнительных конструкциях русских разработаны темы худобы и новообразований на теле, а латышские конструкции тематически связаны с бледностью и физической слабостью.

Амбивалентными у русских и латышей являются эталоны «гриб», «цветок», «дуб». Они появляются и в зоне здоровья, и в зоне болезни. Болезнь использует их с предикатами разрушительного действия или отрицательными атрибутами. У русских гипероним «гриб», гипоним «обабок» (любой пластинчатый гриб, кроме белого), атрибутивное словосочетание «старый гриб» устойчиво ассоциируются со старостью, некрасивостью. У Бригадере эталон «трутовик» (гриб) ассоциируется с болезненной бледностью мужчины. В идиолекте писательницы бледность женщины – свидетельство красоты, бледность мужчины – свидетельство болезни.

Маркированными оказываются дети: у русских – «боровик» (мотивирующим оказывается признак ценности), у латышей – «саженец растения» (мотивирующим признаком служит «невзрослость»).

Религиозный компонент проявляется в русских компаративных конструкциях «яко трава», почерпнутых из чина отпевания покойных

у староверов и православных, и в латышских многочисленных конструкциях с эталоном «лилия». Как известно, лилия – символ непорочной чистоты и является атрибутом Богородицы в католической традиции [5, с. 55].

Таким образом, в сфере растительных эталонов и у русских, и у латышей наблюдается своеобразная социализация. Это объясняется, по-видимому, тем, что бинарная оппозиция «здоровье – болезнь» относится к человеку, сущностной характеристикой которого, выделяющей его из мира природы, является принадлежность обществу.

Список теоретической литературы

1. Бойко Л.Г. Мир флоры в устойчивых сравнениях // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 10. С. 75-77.
2. Гишкаева Л.Н. Фразеологизмы с компонентами-зоонимами и фитонимами в современном пиренейском и мексиканском национальных вариантах испанского языка: Автореф. дис. ... кан-та фил. наук. М., 2012. 20 с.
3. Кириленко Е.И. Концепт здоровья в русской языковой традиции // Бюллетень сибирской медицины. 2005. № 3. С. 66-75.
4. Малоха М. Вегетативные метафоры здоровья человека: традиционные и новые смыслы в русской фразеологии // XX. Olomoucké Dny Rusistů 02.09-04.09.2009. Rossica Olomucensia XLVIII. Olomouc. 2009.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1988. 719 с.
6. Петкау А.Ю. «Здоровье» как культурный феномен. На материале русского паремиологического фонда // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2014. № 1. Т. 124. С. 192-201.
7. Пуцилева Л.Ф. Опыт анализа русских фитонимов с коннотативными значениями, характеризующими внешний вид человека (на фоне итальянского языка) // Мир русского слова. 2008. № 3. С. 31-36.
8. Русский фольклор в записях студентов Даугавпилсского университета (1963-1991). Альманах института компаративистики. Русско-латышские литературные контакты. Вып. 4. Т. 10. Daugavpils: Saule, 2008. 415 с.
9. Сиднева С.А. Растительный код в новогреческом фольклоре: Дис. ... кан-та фил. наук. М., 2008. 189 с.
10. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 527 с.
11. Толстой Н.И. Священный дуб // Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. С. 481-488.

12. Филатов Ф.Р. Представления о здоровье и болезни в древнерусской языковой культуре. Попытка психологической реконструкции // Культурно-историческая психология. 2008. № 1. С. 27-36.

Русский языковой материал записан в населенных пунктах Латгалии

13. Бригино Даугавпилсского р-на
14. Дагда Краславского р-на
15. Даугавпилс
16. Зуи Резекненского р-на
17. Калишево Краславского р-на
18. Королёва Е.Е. Диалектный словарь одной семьи – 2 (Пыталовский район Псковской области) (территория Латгалии с 1920-1940 гг.). Daugavpils: Saule, 2013. 356 с.
19. Краслава
20. Круки Резекненского р-на
21. Лопатишки Резекненского р-на
22. Малта Резекненского р-на
23. Москвино Прейльского р-на
24. Прейли
25. Резекне
26. Санаужи Прейльского р-на
27. Шниткино Прейльского р-на
28. Юдовка Даугавпилсского р-на

Латышский материал

(произведения Анны Бригадере)

29. Brigadere A. Dievs, daba, darbs. Grāmata jauniem un veciem. Rīga: Zvaigzne ABC, 2003. 507 lpp.
30. Brigadere A. Dzeja. Ja saule tev sirdī. Rīga: Valters un Rapa, 2001. 406 lpp.
31. Brigadere A. Kad pumpuri briest. Stāsti un tēlojumi. 1896-1904. Rīga: Liesma, 1993. 474 lpp.
32. Brigadere A. Klusie varoņi. Stāsti un tēlojumi. 1899-1933. Rīga: Valters un Rapa, 1996. 458 lpp.
33. Brigadere A. Kvēlošā lokā. Romāns. 1927-1928. Rīga: Valters un Rapa, 1998. 432 lpp.
34. Brigadere A. Lugas. Rīga: Valters un Rapa, 2004. 480 lpp.
35. Brigadere A. Par garīgo Latviju. Publicistika un vēstules. Rīga: Valters un Rapa, 1997. 440 lpp.

References

List of theoretical literature

1. Boiko L.G. The World of Flora in Stable Comparisons // News of Volgograd State Pedagogical Institute. 2008. No 10. Pp. 75-77.
2. Gishkaeva L.N. Phraseological Units with the Components – Zoonyms and Phytonyms in Modern Iberian and Mexican National Variants of Spanish: Summary of the PhD Thesis in Philology. Moscow, 2012. 20 p.
3. Kirilenko Y.I. Health Concept in Russian Linguistic Tradition // Bulletin of the Siberian Medicine. 2005. No 3. Pp. 66-75.
4. Malokha M. Vegetative Metaphors of Human Health: Traditional and New Meanings in Russian Phraseology // XX. Olomoucké Dny Rusistů 02.09-

04.09.2009. Rossica Olomucensia XLVIII. Olomouc. 2009.

5. Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia. Vol. 2. Moscow, 1988. 719 p.

6. Petkau A.Y. «Health» as a Cultural Phenomenon. Based on the Materials of the Russian Paremiological Fund // News of Ural Federal University. Series 2. The Humanities. 2014. No 1. Vol. 124. Pp. 192-201.

7. Pucileva L.F. An Attempt in the Analysis of Russian Phytonyms with Connotative Meanings Characterizing People's Appearance (on the Background of the Italian Language) // The World of Russian Word. 2008. No 3. Pp. 31-36.

8. Russian Folklore in the Records of Students of Daugavpils University (1963-1991). The Almanac of the Institute of Comparative Studies. Russian – Latvian Literary Contacts. Issue 4. Vol. 10. Daugavpils: Saule, 2008. 415 p.

9. Sidneva S.A. Plant Code in Modern Greek Folklore: PhD Thesis in Philology. Moscow, 2008. 189 p.

10. Tolstaya S.M. The Space of the Word. Lexical Semantics in a Common Slavic Perspective. Moscow: Indrik, 2008. 527 p.

11. Tolstoy N.I. Sacred Oak // Sketches of Slavic Paganism. Moscow: Indrik, 2003. Pp. 481-488.

12. Filatov F.R. Concepts of Health and Illness in the Linguistic Culture of Ancient Rus. An Attempt of Psychological Reconstruction // Cultural-Historical Psychology. 2008. No 1. P. 27-36.

Russian linguistic material has been recorded in the following localities in Latgale

13. Brygino, Daugavpils District

14. Dagda, Kraslava District

15. Daugavpils

16. Zui, Rezekne District

17. Kalishevo, Kraslava District

18. Korolyova E.E. Dialectal Dictionary of One Family – 2 (Pitalovo District of Pskov Region) (the Territory of Latgale in 1920-1940). Daugavpils: Saule, 2013. 356 p.

19. Kraslava

20. Kruki, Rezekne District

21. Lopatishki, Rezekne District

22. Malta, Rezekne District

23. Moskvino, Preili District

24. Preili

25. Rezekne

26. Sanauzhi, Preili District

27. Shnitkino, Preili District

28. Yudovka, Daugavpils District

Latvian material (works by Anna Brigadere)

29. Brigadere A. God, Nature, Work. A Book for Young and Old. Riga: Zvaigzne ABC, 2003. 507 p.

30. Brigadere A. Poetry. If the Sun is in Your Heart. Riga: Valters un Rapa, 2001. 406 p.

31. Brigadere A. When the Buds are Bursting. Stories and Miniatures. 1896-1904. Riga: Liesma, 1993. 474 p.

32. Brigadere A. The Silent Heroes. Stories and Miniatures. 1899-1933. Riga: Valters un Rapa, 1996. 458 p.

33. Brigadere A. Within Glowing Circle. 1927-1928. Riga: Valters un Rapa, 1998. 432 p.

34. Brigadere A. Plays. Riga: Valters un Rapa, 2004. 480 p.

35. Brigadere A. On Spiritual Latvia. Journalism and Letters. Riga: Valters un Rapa, 1997. 440 p.

УДК 81'276

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-3-3-15-19

Ляшенко И. В.¹
Ромашина О. Ю.²
Федюнина И. Э.³

**АКТУАЛИЗАЦИЯ «УСТАРЕВШЕГО» ПРОЗВИЩА МОСКАЛЬ
В УКРАИНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ БЛОГОСФЕРАХ**

- 1) кандидат филологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы 85, Белгород, 308015, Россия, e-mail: rattle-snake@mail.ru
- 2) кандидат филологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы 85, Белгород, 308015, Россия, e-mail: romashina@bsu.edu.ru
- 3) кандидат филологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы 85, Белгород, 308015, Россия, e-mail: fedyunina@bsu.edu.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы функционирования этнических прозвищ в «языке вражды» на примере эскалации политической напряженности в отношениях между Россией и Украиной в первые десятилетия XXI в. Целью исследования является создание ономаσιологического портрета русского в современной украинской языковой картине мира. Материалом исследования послужило этническое прозвище русских *москаль*. В качестве методов исследования использованы: концептуальный, дефиниционный, прагмалингвистический, контекстуальный, этимологический, семантический и социолингвистический анализ. В ходе исследования выявлены наиболее характерные особенности прозвища *москаль*, а также лингвистически релевантные когнитивы, которые в дальнейшем помогут составить образ современного русского, сложившийся в языковой картине мира среднестатистического интернет-пользователя украинской и российской блогосфер. Результаты работы могут найти свое применение в дальнейших исследованиях в области социолингвистики, этноконфликтологии, истории и политологии.

Ключевые слова: русский; украинец; москаль; «язык вражды»; этническое прозвище; языковая картина мира; блогосфера

Lyashenko I. V.¹
Romashina O. Yu.²
Fedyunina I. E.³

**NEW LIFE OF THE «OLD» NICKNAME MOSKAL IN UKRAINIAN
AND RUSSIAN BLOGOSPHERES**

- 1) PhD in Philology, Associate Professor, Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, e-mail: rattle-snake@mail.ru
- 2) PhD in Philology, Associate Professor, Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, e-mail: romashina@bsu.edu.ru
- 3) PhD in Philology, Associate Professor, Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, e-mail: fedyunina@bsu.edu.ru

Abstract. The article describes ethnic nicknames and their functioning in «hate speech» amid escalating political tension between Russia and Ukraine in the first decades of the 21 century. The research is aimed at creating an onomasiological portrait of a typical Russian in the Ukrainian linguistic mentality. The authors study the word *moskal* as a nickname of Russians. The research is based on the conceptual analysis, definitional analysis, pragmalinguistic analysis, contextual analysis, etymological analysis, semantic analysis, and sociolinguistic analysis. In the course of the study, the authors describe the characteristic features of the nickname *moskal* and some linguistically relevant ethno-cognitive units, enabling to create in further studies an image of the contemporary Russian person built up in the linguistic mentality of typical Russian and Ukrainian web forum visitors. The results of the research may be applied in further studies in the spheres of sociolinguistics, ethnoconflictology, history, and political science.

Key words: Russian; Ukrainian; moskal; «hate speech»; ethnic nickname; linguistic mentality; blogosphere.

Настоящая работа является продолжением лингво-культурологического исследования, имеющего своей целью составление ономаσιологического портрета украинцев,

русских и представителей других этносов на основе комплексного анализа современных этнических прозвищ, употребляемых в российской и украинской блогосферах на фоне обострившегося на рубеже XX-XXI веков кризиса в отношениях между Россией и Украиной, Россией и странами Запада в целом.

Материалом исследования послужили этнические прозвища, отобранные методом сплошной выборки с городских веб-форумов г. Белгорода («Форум Бел.Ру» [15]) и г. Харькова («Харьков Форум» [16]). Выборка материала осуществлялась в период с декабря 2013 г. по март 2016 г. Первые результаты исследования, проводившегося с использованием концептуального анализа прозвищ украинцев, нашли свое отражение в ономаσιологическом портрете современного украинца в российской и украинской блогосферах [4]. На данном этапе предполагается осуществление дефиниционного, прагмалингвистического, контекстуального, этимологического, семантического и социолингвистического анализа этнических прозвищ русских с перспективой составления ономаσιологического портрета русских в украинской и российской блогосферах.

В качестве объекта исследования в настоящей работе выбрано прозвище *москаль*, являющееся образчиком прозвища, традиционно употреблявшегося по отношению к русским, со временем утратившее свою популярность, и актуализировавшееся на волне обострения межэтнического противостояния между украинцами и россиянами в первые десятилетия XXI в.

Москаль – оттопонимическое образование (*москаль* ← Москва). Традиционно в украинском, белорусском и польском языках данным прозвищем именовали служивый люд, состоявший на службе у Российской империи, причем данное прозвище считалось неофициальным этнонимом русских с положительными или отрицательными коннотациями в зависимости от эпохи. Прозвище *москаль* присутствует в украинском фольклоре и литературе, начиная с XVII века и содержит целый ряд нелестных характеристик, якобы присущих русским, например, хитрость (*Москаль як ворона, та хитріший чорта*), вороватость (*Коли чорт та москаль що вкрали, то поминай як знали*), двуличие (*Казав москаль право, та й збрехав браво*), чванность (*Москаль ликом чванниця й кожному під ніс з ним пхасця*), подавление других (*Москаль здавна вже панує бо бач завше*), жёсткость (*Москаль на слёзи не вдаря*) [9].

В конце XX – начале XXI прослеживается тенденция невключения слова «москаль» в

словари русского языка новейшего времени или же стремление пометать его как устаревшее, вышедшее из употребления. Например, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова прозвище *москаль* сопровождалось пометкой «дореволюционное, пренебрежительное, шовинистическое» [8]. Слово не вошло в четырёхтомный словарь русского языка, изданный в 1988 году. Подобное отношение авторов словарей к прозвищу можно объяснить «официальной идеологической установкой на дружбу, равенство и братство народов» и фактом «нейтрализации этнического противопоставления русских и украинцев в картине мира россиян» [1].

Иная картина наблюдается в «неформальных» интернет-словарях, энциклопедиях и блогах, которые живо реагируют на обострение социально-политической ситуации в мире и, как следствие, актуализацию «устаревших» этнофолемов в СМИ и, в особенности, в интернет-пространстве. «Неформальные» словари, энциклопедии и блоги предлагают весьма подробную трактовку прозвища *москаль*, приводят примеры его употребления в современной речи как украинцев, так и русских, рассуждают об этимологии и лежащих в его основе стереотипах. Как правило, подобные словарные статьи пронизаны едким сарказмом и иронией, а иногда содержат ненормативную лексику.

Так из «Словаря современной лексики, жаргона и сленга» мы узнаем, что *москаль*: 1) типичный житель Москвы и окрестностей, он же – москвич. Говорится с ненавистью, в основном, украинцами. 2) Так «*хохлы*» (*краинцы*), называют жителей России (славянское ее население). Произносится в унижительном, злобном контексте. Здесь же с иронией отмечается, что «русский дает себе отчет в своей принадлежности к нации русских, и ему безразличен этот факт. *Москаль* не принадлежит ни к одной из наций, в какой бы из них не был рожден. Все национальное ему ненавистно. Каждый, осознающий свою национальную принадлежность, для него – нацист» [11].

В Интернет-энциклопедии «Луркоморье» (*Lurkmore*), позиционирующей себя как «энциклопедия современной культуры, фольклора и субкультур, а также всего остального», с изрядной долей иронии дается подробное описание прозвища *москаль*, его этимологии и употребления в истории и культуре: «*Москаль* – презрительное прозвище, в зависимости от контекста может применяться к *имперцам, фашистам, ватникам, поцреотам*, просто русским и лицам любых других

национальностей, люто, бешено *флюордорсящим* на Московскую империю. Термин сей широко применяется на просторах нашей страны для обозначения обитателей *Нерезиновки*» [5]. Характерно, что помимо традиционных объектов номинации (русских, солдат царской армии и жителей Москвы), в русском и украинском языках новейшего времени объектами номинации, получающими прозвище *москаль*, становятся 1) все граждане РФ, включая, чукчей, нанайцев и «*кавказцев*»; 2) этнические русские безотносительно страны проживания; 3) «*российские поцреоты*» или вообще любые русскоговорящие (в том числе и украинцы); 4) «*разномастные ымперцы*», независимо от их национальной принадлежности, т.е. для обозначения политической позиции, а не национальной принадлежности, «однако фактически при этом неявно утверждается, что *ымперскость* исходит из Москвы (как оно исторически и было)» [5]. Под *ымперцами* понимаются «*вездесущие российские империалисты, в число которых другие националисты могут записать любого, от кого испытывают дискомфорт*» [5].

О тенденции к независимости от этнической принадлежности идентификаторов и все большем преобладании политической составляющей в трактовке этнофолизма *москаль* свидетельствуют и статьи в других справочных интернет-изданиях и блогах. Так, среди примеров употребления прозвища *москаль*, приводимых в «Словаре молодежного сленга», находим: «*Москали* – не национальность, а способ мышления»; «*Есть хохлы, а есть и украинцы, так же русские и москали*»; «*Украинцы рассказали о москалях, вековых поработителях, убийцах, ворах и насильниках не только на Украине, но также в славянских и неславянских странах, всё еще оккупированных Россией*» [7].

Новейшие трактовки прозвища *москаль* встречаются не только в лингвистических и окололингвистических справочных интернет-ресурсах, но и в блогах, претендующих на публицистику. Так, к примеру, из интервью с 17-летним Дмитрием, членом запрещенного в РФ «Правого сектора», узнаем, что *москаль* – это не национальность, *москаль* – это тот, кто враг Украины: «*Те, кто выступает за раскол страны – крымчане, донецкие, Харьков – там одни москали. Москаль – это сепаратист*» [2]. Похожую мысль встречаем в одном из комментариев к современным украинским стихотворениям о России, Украине, Путине, Крыме: «*В 155 раз пишу: москалем может быть любой, даже китаец.*

Москаль – это шовинист, нацик, считающий, что русские – нация выше всех остальных, а украинцев не существует... Именно поэтому мы не хотим в ваш *тайожный бардак*» [13]. На вопрос, как отличить *москалей* от «обычных нормальных людей» в современном мире, находим ответ на страничке «Живого журнала»: «*Каждый, кто заражен имперским вирусом и мечтает или помогает Кремлю воссоздать Империю, кто состоит на службе у Москвы – тот москаль, независимо от гражданства и места проживания. При этом, такие люди не обязательно являются кацапами – ведь среди москалей есть масса культурных, образованных, по-своему воспитанных и даже местами интеллигентных людей, по тем или иным причинам состоящих на службе у Кремля*» [6].

Мысль о том, что не все россияне – *москаль*, подтверждается и в украиноязычной версии Википедии, которая отмечает, что термин «*москаль*» «*часто употребляется как оскорбительное и ироничное название граждан России независимо от их этнического происхождения или места жительства*» [10]. Здесь же отмечается, что «*в современном украинском языке «москаль» не является ругательством или подчеркнуто презрительным названием, в отличие от слова «кацап»* [10]. Данное утверждение является весьма спорным, учитывая присутствие этнофолизма *москаль* в целом ряде примеров «евромайданного» фольклора, среди которых явно агрессивные и оскорбительные антироссийские кричалки, речёвки и лозунги радикальных украинских националистов: «*Хто не скаче – той москаль!*», «*Єднайтеся, українці, та не з москалями!*», «*Москалів – на ножі! На ножі! На ножі!*», «*Москаляку на гіляку!*», «*Геть москаля!*», «*Убий москаля!*», «*Убий у собі москаля!*», «*Бей москаля!*» и т.д.

Экспрессивность этнофолизмов неразрывно связана с прагматикой их употребления, поскольку в них и через них отражается эмотивное отношение субъекта речи к объекту. Иначе говоря, «эмотивно-оценочное отношение детерминировано мировоззрением народа – носителя языка, его культурно-историческим опытом, системой существующих в данном социуме критериев оценки» [14: 32]. Крайне негативные и оскорбительные эмотивно-оценочные компоненты прозвища *москаль*, ставшего орудием языка вражды, инструментом формирования образа врага, уже прочно закреплены в языковом сознании части современного украинского общества. Этому во многом способствуют современный фольклор и поп-культура, использующие слова-прагмемы с

оценочным компонентом на уровне системы языка. На смену иронично-шутливым мемам типа «Вставай, Україно! Вставай, рідна ньєко! Москаль вже годину не спить!» пришли агрессивные, пропитанные «шароварщиной» и вызывающие ненависть творения, в которых прозвище *москаль* все в большей степени выполняет разграничительные и характеризующие социо-прагматические функции.

Тенденцию к возрождению и порождению новых этнических стереотипов можно проиллюстрировать примером из творчества популярного сегодня в Украине шоумена А.Д. Мухарского, выступающего под сценическим псевдонимом Орест Лютый (укр. *Орест Лютий*). В его альбоме «А я не москаль!» представлена песня под названием «Убий у Собі Москаля», которая, по сути, является своеобразным собирательным образом *москаля* (в независимости от этнической принадлежности), внедряемым в языковое сознание современных украинцев и русских. Вот лишь несколько примеров содержащихся в данной песне крайне негативных эмоционально-оценочных компонентов прозвища *москаль*:

- «*Москаль – загарбник, наволоч і кат, синонім підступу й брехні!*» (здесь и далее пер. с укр.: *Москаль – захватчик, сволочь и палач, синоним подвоха и лжи!*);

- «*...лізе нагло, водку жере, матом криє, в морду б'ється, тля московської землі*» (...лезет нагло, водку жрет, матом кроет, в морду бьет, тля московской земли);

- «*Ти бачиш бідність, бачиш бруд, ти бачиш спалені поля. Хати розбиті, рабський труд – все це діяння москаля!*» (Ты видишь бедность, видишь грязь, ты видишь сожжены поля. Дома разбиты, рабский труд – все это деяние *москаля!*);

- «*...вічний варвар, вічний хам, бруд російської землі! Чуже загарбать, знищить храм – все це вмюють москалі!*» (...вечный варвар, вечный хам, грязь российской земли! Чужое отнимет, уничтожит храм – все это умеют *москалі!*);

- «*...страшніший чорта той москаль. А може він і сам є чорт!*» (...страшнее черта тот *москаль*. А может он и есть сам черт!).

Песня завершается призывом к «брату-россиянину» «...в собі ти *москаля* убий, убий в собі ти *москаля!*» (...в себе ты *москаля* убей, убей в себе ты *москаля!*), что служит своего рода попыткой разграничения терминов «русский» и «москаль». Иными словами, песня служит призывом как к украинцам, так и к россиянам, выражаясь языком «Луркоморья», к избавлению от «*ымперскости*», т.е. имперского величия и желания подмять под себя весь мир. Сам Орест

Лютый так говорит по поводу своих песен: «Мы против *москалей* и против *хохлов*. Мы за украинцев и россиян. *Москаль* – это «загарбник, наволоч и кат», а *хохол* – это «продажна тварюка, яка підлягає під москаля» (продажная тварь, которая ложится под *москаля*). Поэтому давайте различать...» [12].

Более детальный портрет «типичного *москаля*» приводится в статье «Москалі» украинского политолога Остапа Крывдыка, где в мельчайших подробностях рассматриваются «признаки и внутривидовые отличия» *москалей*, и, в которой, пожалуй, наиболее четко проведена своего рода демаркационная линия между россиянами и *москалями*: «*Москалі* и русские – это разные измерения, это – как «метр» и «вольт». Много кто по ошибке отождествляет их. На самом деле *москаль* – злейший враг России, он выхолащивает ее, истощает ее ради ненужных ей целей и ценностей, паразитирует на ее культуре, ссорит с ней ее соседей. *Москалі* – это не нация, это – сборный образ слуг и «больших кормчих» империи» [3].

Таким образом, подводя итог данного этапа исследования, напрашивается вывод о том, что *москаль* в украинской блогосфере – своего рода мифологизированный персонаж, выполняющий функцию вселенского зла. Вместе с тем отчетливо прослеживаются попытки со стороны украинской интернет-аудитории и некоторых российских блогеров разграничить термины «русский» и «москаль», объясняя это тем, что *москаль* – не обязательно житель «всєя озверелой Руси», т.е. не этнический, а скорее политический персонаж. Именно «*ымперскость*» как элемент значения превалирует сегодня в семантике данного прозвища, и именно этот элемент закреплен в оценочном отношении россиян украинцами.

Вместе с тем прозвище *москаль* можно рассматривать как в качестве культурного пережитка национальной трагедии, так и в качестве трагикомической стороны жизни украинского общества. Каким бы претенциозным значением оно ни обладало, прозвище *москаль*, для которого характерны злоба, тривиальность и низкий комизм, по праву является частью фольклора, который позволяет заглянуть в прошлое, передает острое чувство горечи, пафоса и безысходности этнического конфликта, вместе с тем, высмеивая его.

Список литературы

1. Вепрева И.Т., Купина Н.А. Тревожная лексика текущего времени: неофициальные этнонимы в функции актуальных слов // Политическая лингвистика [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/trevozhnaya-leksika-tekuschego-vremeni-neofitsialnye-etnonimy-v-funktsii-aktualnyh-slov> (дата обращения: 05.03.2016).

2. Ивакин А.Г. Интервью с "Правым сектором" // Live Journal [Электронный ресурс] URL: http://samlib.ru/i/iwakin_a_g/inter.shtml (дата обращения: 17.11.2015).

3. Кривдык О. Москали // Украинская правда [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2007/03/5/4414286/> (дата обращения: 18.01.2016).

4. Ляшенко И.В. Этнические прозвища украинцев в российской и украинской блогосферах // Научный результат. Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики» [Электронный ресурс] URL: <http://www.belsu-research-result.ru/images/issue2/lingvistika/lingvistika.pdf> (дата обращения: 06.03.2016).

5. Москали //Луркоморье [Электронный ресурс] URL:<http://lurkmore.to/%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8C> (дата обращения: 26.02.2016).

6. Москали и кацапы: в чем разница? // Live Journal [Электронный ресурс] URL: <http://paus144.livejournal.com/35319.html> (дата обращения: 13.01.2016).

7. Москаль // Словарь молодежного сленга [Электронный ресурс] URL: <http://teenslang.su/content/%D0%BC%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8C> (дата обращения: 06.03.2016).

8. Москаль // Толковый словарь Ушакова онлайн [Электронный ресурс] URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=16021> (дата обращения: 06.03.2016)

9. Москаль //Википедия (русс.). [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/863710/%D0%9C%D0%9E%D0%A1%D0%9A%D0%90%D0%9B%D0%AC> (дата обращения: 06.03.2016).

10. Москаль //Вікіпедія (укр.) [Электронный ресурс]URL:<http://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8C> (дата обращения: 26.02.2016).

11. Москаль //Словарь современной лексики, жаргона и сленга [Электронный ресурс] URL: <http://argo.academic.ru/3160> (дата обращения: 06.03.2016).

12. Лютий О. «Убий у собі москаля» // MAXPARK [Электронный ресурс] URL: <http://maxpark.com/community/5862/content/2162433> (дата обращения: 06.03.2016).

13. Стихи про Россию, Украину, Путина, Крым // Прикол-новости [Электронный ресурс] URL: <http://prikolnovosti.com/stixi-pro-rossiyu-ukrainu-putina-krym/> (дата обращения: 06.03.2016).

14. Телия В.Н. Метафора как модель словопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция [Текст] // Метафора в языке и в тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 32.

15. Форум Бел.Ру [Электронный ресурс] URL: <http://forum.bel.ru> (дата обращения: 06.03.2016).

16. Харьков Форум [Электронный ресурс] URL: <http://www.kharkovforum.com> (дата обращения: 06.03.2016).

References

1. Vepreva I.T., Kupina N.A. Distressing Vocabulary of Modern Times: Informal Ethnonyms Functioning in Formal Speech //Political Linguistics. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/trevozhnaya-leksika-tekuschego-vremeni-neofitsialnye-etnonimy-v-funktsii-aktualnyh-slov> (date of access: March 5, 2016).

2. Ivakin A.G. An Interview with «The Right Sector» //Live Journal. URL: http://samlib.ru/i/iwakin_a_g/inter.shtml (date of access: November 17, 2015).

3. Kryvdyk O. Moskals // Ukrainskaya Pravda. URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2007/03/5/4414286/> (date of access: January 18, 2016).

4. Lyashenko I.V. Ethnic Nicknames for Ukrainians in Russian and Ukrainian Blogospheres // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics Series. URL: <http://www.belsu-research-result.ru/images/issue2/lingvistika/lingvistika.pdf> (date of access: March 6, 2016).

5. Moskals //Lurkomorie. URL: <http://lurkmore.to/%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8C> (date of access: February 26, 2016).

6. Moskals and Katsaps: What is the Difference? // Live Journal. URL: <http://paus144.livejournal.com/35319.html> (date of access: January 13, 2016).

7. Moskal // Slang Dictionary of the Youth. URL: <http://teenslang.su/content/%D0%BC%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8C> (date of access: March 6, 2016).

8. Moskal // Ushakov Online Explanatory Dictionary. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=16021> (date of access: March 6, 2016)

9. Moskal //Wikipedia (Russ.). URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/863710/%D0%9C%D0%9E%D0%A1%D0%9A%D0%90%D0%9B%D0%AC> (date of access: March 6, 2016).

10. Moskal // Wikipedia (Ukr.). URL: <http://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8C> (date of access: February 26, 2016).

11. Moskal // Dictionary of Modern Vocabulary, Jargon, and Slang. URL: <http://argo.academic.ru/3160> (date of access: March 6, 2016).

12. Lyutiy O. Kill Moskal in yourself // MAXPARK. URL:<http://maxpark.com/community/5862/content/2162433> (date of access: March 6, 2016).

13. Rhymes about Russia, Ukraine, Putin, and the Crimea // Прикол-новости. URL: <http://prikolnovosti.com/stixi-pro-rossiyu-ukrainu-putina-krym/> (date of access: March 6, 2016).

14. Teliya V.N. Metaphor as a Model of Word Formation and its Expressive and Evaluative Function //Metaphor in Language and Text. M.: Nauka. 1988. P. 32.

15. Forum Bel.ru. URL: <http://forum.bel.ru> (date of access: March 6, 2016).

16. Kharkov Forum. URL: <http://www.kharkovforum.com> (date of access: March 6, 2016).

УДК 811

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-3-3-20-23

Vitalii Prystupa

CONCEPTUAL METAPHORS OF ANGER IN CHINESE AND ENGLISH:
A CONTRASTIVE ANALYSIS

PhD in Linguistics, Head of Anglo-Australian Program, Beijing Normal University, Beijing Normal University, No. 19, XinJieKouWai St., HaiDian District, Beijing 100875, P. R. China, vitprist@icloud.com

Abstract.

Cognitive linguistics postulates that the metaphor serves an important role in human thought. Our conceptual system exists in a strong correlation to the metaphor which mirrors the cultural reality of our lives. Metaphors are grounded on culture and conceptual metaphors are mirrored in a language, which is a significant component of culture. Adopting the theory of the metaphor as the mapping between source and target domains, this paper aims at analyzing how the conceptual metaphors of anger are reflected in the English and Chinese languages.

Key words: conceptual metaphor, cognitive system, metaphor of anger.

Introduction. The importance of metaphor is difficult to overestimate. Historically, the metaphor was considered to be a set of figurative linguistic expressions which are decorative and ornamental in their nature and served only as a figure of speech and its study was mostly the prerogative of literature and rhetoric [Lakoff 1986]. Though the situation changed in the past few decades and the interest to the cognitive nature of metaphor has grown rapidly; according to Lakoff and Jonson's seminal book «Metaphors We live By», metaphor in its broad sense, is crucial in a language and thought. During the last two and a half decades, this theory has been developed in works by Akhundov [1986], Alverson [1994], Dirven [1993], Goddard [1996], Kövesces [2006], Steen et al [2003], to mention just a few.

The contemporary theory of metaphor claims that more abstract concepts can be understood and expressed metaphorically in spatial terms. The central claim of this theory is that emotions, which are highly abstract in their nature, are conceptualized and expressed in the form of metaphors. For instance, the emotion of anger in English is conceptualized in terms of heat and internal pressure [Lakoff and Jonson 1980], it gives us the question up to what extent it is also true for the Chinese language. Taking into consideration the theory that a metaphor can be explained as the mapping between source and target domains, this paper examines similarities and differences of mappings across domains in Chinese and English.

Metaphors of Anger in English

The metaphors of emotions are crucial for understating the human cognition, according to Ortony: «Emotion is one of the most central and pervasive aspects of human experience» [Ortony et al. 1988, p. 3]

and the most direct for analysis access to emotions we have is through a language [Ortony et al. 1988].

Following the principles of cognitive semantics, a language can be a tool for discovering the contents of emotion concepts [Kövesces 1990]. It's considered that metaphors play an important role in the scientific conceptualization of emotions.

The number of researches has been conducted on the function of metaphor in the conceptualization of «anger» in English [Fesmire 1994, Lakoff and Jonson 1980 et al.], the central idea in these studies is that a metaphor serves as a source for the conceptualization of emotions and is grounded in bodily experience. This claim is supposed to be universal but the evidence supporting the idea are mainly derived from English.

According to Lakoff and Kövesces [1987], «The cultural model of psychological effects, especially the part that emphasizes HEAT, forms the basis of the most general metaphor for anger: ANGER IS HEAT.» This metaphor is subdivided into two constituent parts: solids and fluids. When this metaphor is applied to solids, the metaphor acquires the version Anger IS FIRE. This concept can be found in numerous metaphors, for instance:

- a. He was breathing fire.
- b. Smoke was pouring out of his ears.
- c. She burnt with indignation.
- d. Your behavior just added fuel to the fire!
- e. Those are inflammatory remarks.

These expressions represent two different images of a container. The first one suggests that a body of a person who is angry is a container and it is filled with a fire burning inside. The second one, on the contrary, implies that there is the fire burning outside the body which makes the container hot. The

second image is closely related to the second version of the ANGER IS HEAT in English metaphor, and is applied to fluids acquiring the version ANGER IS A HOT FLUID IN A CONTAINER. This version can be illustrated with the following examples:

- a. Simmer down!
- b. You make my blood boil.
- c. I have reached the boiling point.
- d. He blew his top.
- e. She was seething with rage.

These examples illustrate the destructive power of anger compared to hot fluid which produces too much steam in a closed container, thus the steam has to find its way out; otherwise the explosion is irrevocable.

The English language, governed by the common cultural model, makes use of a general metonymic principle: the part stands for the whole or in our case: EFFECTS OF AN EMOTION STAND FOR THE EMOTION. Thus we can observe a system of metonymies for anger [Yu,1998]:

BODY HEAT

- a. Don't get hot under the collar.
- b. When the cop gave her a ticket, she got all hot and bothered and started cursing.

INTERNAL PRESSURE

- a. He almost had a hemorrhage.
- b. When I found out, I almost burst a blood vessel.

REDNESS IN FACE AND NECK AREA

- a. She was scarlet with rage.
- b. He got red with anger.

AGITATION

- a. He was quivering with rage.
- b. He was hopping mad.

PHYSICAL MISPERCEPTION

- a. I was so mad I couldn't see straight.
- b. She was blind with rage.

Metaphors of Anger in Chinese

According to Kövescs, «Languages are not monolithic but come in varieties that reflect divergences in human experience» [2006, p.161]. Though the conceptual metaphors may have the same source domain within different cultures. In the Chinese language, ANGER IS HEAT is applied to solids and the source domain ANGER IS FIRE coincides with the English language. For instance:

- a. Pinyin: Bie re wo fa—huo
Simplified Chinese: 别惹我发火。
English translation: Don't set me on fire (i.e. Don't cause me lose my temper).
- b. Pinyin: Ta zheng-zai hou tou shang.
Simplified Chinese: 他正在火头上。
English translation: He is at the height of fire (i.e. on the top of his anger).

In the Chinese language visceral organs can serve as a source domain for «INTERNAL HEAT» creating container metaphors, for instance:

- c. Pinyin: Ta-de gan-huo hen wang.
Simplified Chinese: 他的肝火很旺。
English translation: His **liver**-fire is roaring (i.e. He is hot-tempered).
- d. Ta xin-tou huo qi.
Simplified Chinese: 她心头火起。
English translation: Her **heart-head** fire flare up (i.e. She flared up with anger).
- e. Pinyin: Ta wo le yi duzi huo.
Simplified Chinese: 她握了一肚子火。
English translation: She held in a **belly** of fire (i.e. She was simmering with rage).

The examples illustrate that both English and Chinese share the common conceptual metaphor ANGER IS FIRE. Both languages express the essence of this emotion as a dangerous one. The main difference between English and Chinese is that the Chinese language tends to use body-related words such as internal organs. These words intensify the idea that anger can cause many medical problems, effecting particular parts of the body. The conceptualization of anger by means of using body-related words supports the theory that metaphors of emotions are grounded on bodily and physiological experience and that this can be regarded as a cross-linguistic phenomenon.

The second version of metaphor ANGER IS HEAT is represented in the Chinese language as ANGER IS THE HOT GAS IN THE CONTAINER, which differs from the English version ANGER IS HOT FLUID IN THE CONTAINER. This metaphor is based on the common knowledge of physics, when a gas is heated in a container, it expands and causes the increase of internal pressure. For instance:

- a. Pinyin: Ta pi-qi hen da.
Simplified Chinese: 她脾气很大。
English translation: She's got big gas in spleen (i.e. She is short-tempered).
- b. Pinyin: Wo xin-qi bu shun.
Simplified Chinese: 我心气不顺。
English translation: I heart-gas not smooth (i.e. I am feeling unhappy).
- c. Pinyin: Ta qi-gugu de.
Simplified Chinese: 他气鼓鼓的。
English translation: He gas-inflate (i.e. He is inflated with anger).
- d. Pinyin: Ta nu-qi chongchong.
Simplified Chinese: 他怒气冲冲。
English translation: He angry-gas soar-soar (i.e. He is in a great rage).
- e. Pinyin: Ta qi-shi xiongxiong.

Simplified Chinese: 她气势熊熊。

English translation: She gas-force surge-surge (i.e. She is full of anger).

As can be seen English and Chinese have different source domains: FLUID and GAS, but they share basic metaphorical entailments. These source domains share similar ideas of HEAT, INTERNAL PRESSURE, and DANGER OF EXPLOSION, which allow them to reach the target domain ANGER.

In the previous section, we have illustrated that the English language follows the metonymic principle: THE PSYCHOLOGICAL EFFECTS OF AN EMOTION STAND FOR THE EMOTION. The Chinese language follows the same principle, for instance:

BODY HEAT

a. Pinyin: Wo qi de lian-shang huo-lala de.

Simplified Chinese: 我气的脸上火辣辣的。

English translation: I gas face-on fire-hot (i.e. I got so angry that my face was peppery hot).

INTERNAL PRESSURE

b. Pinyin: Bie qi po le du-pi.

Simplified Chinese: 别气破了肚皮。

English translation: Don't break your belly skin with gas (RAGE).

REDNESS IN FACE AND NECK AREA

c. Pinyin: Tamen zheng de gege mian-hong-er-chi.

Simplified Chinese: 他们争的个个面红耳赤。

English translation: They argues until everyone became red in the face and ears.

It is interesting to observe that in the given expression, the red color is rendered into Chinese with two different characters: 红/赤. The character 赤 is more bookish, while 红 is widely used a spoken language, but in our example different characters meaning RED are used to avoid repetition.

AGITATION

d. Pinyin: Ta qi de hun-shen fadou.

Simplified Chinese: 她气的浑身发抖。

English translation: Her body was shaking all over with rage.

PHYSICAL MISPERCEPTION

e. Pinyin: Wo qi de liang yan fa hei.

Simplified Chinese: 我气的两眼发黑。

English translation: I was so angry that my eyes turned blind.

Having compared the examples in English and Chinese, we can come to the conclusion that the metonymic expressions are similar in two languages. It can be explained with the fact that these metaphors are primarily based on physiological effects of anger which tend to be universal. The difference between English and Chinese is the use of body parts, the Chinese language specifies more body parts than English does.

English and Chinese share the same conceptual metaphor ANGER IS HEAT, but English operates the notions of FIRE and FLUIDS while Chinese selects FIRE and GAS. Both languages follow the same metonymic principle in emotion of anger description by referring to different physiological effects.

The principal difference between conceptual metaphors in English and Chinese is in the mapping between source and target domains. The English language conceptualize the emotion of ANGER by means of two source domains FIRE and FLUID and the word FIRE acquires the metaphorical meaning (let's call it a direct conceptualization). Thus we can say that the direct lexical meaning can be transferred into metaphorical. On the other hand, the lexeme FLUID does not possess the direct metaphorical reference to the conceptual metaphor of ANGER but it requires other «secondary» lexemes that are associated with FLUID to create a metaphor (indirect conceptualization). We can see it as a continuum:

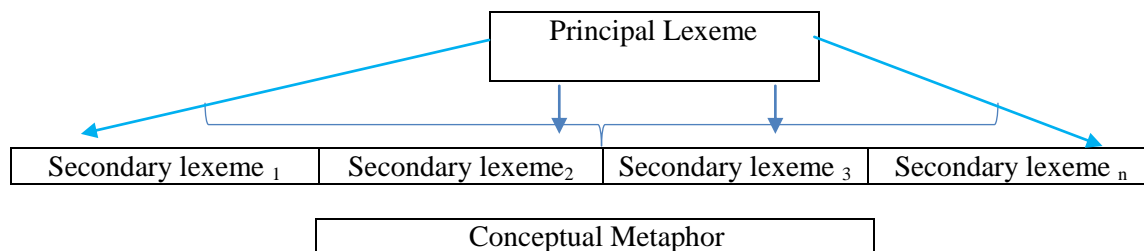

Figure. Indirect lexical conceptualization of the metaphor

As can be seen from the illustrative material, the lexeme FLUID does not acquire the direct

metaphorical meaning ANGER but this metaphorical meaning is realized by secondary lexemes such as: boiling, simmer, stew etc.

It should be noted that the Chinese words fen 愤 and nu 怒 are literal lexemes for the emotion of anger but they are different from huo 火 (fire) and qi 气 (gas) in their meaning and style. In most cases these direct words cannot substitute huo 火 (fire) and qi 气 (gas). It makes these words (fire and gas) so conventionalized metaphors of anger that native speakers of Chinese accept them literary not metaphorically. The derivatives of these lexemes also acquire metaphorical meaning. For instance:

- a. Fa-huo 发火 – denote
- b. Dong-huo 动火 – flare up
- c. Shang-huo 上火 – get angry
- d. Sheng-qi 生气 – get angry
- e. Dong-qi 动气 – get angry

As can be seen, some meanings have already lost their metaphorical meaning and are perceived literary.

Conclusion. The metaphors of anger in English and Chinese share both similarities and differences. They share the same universal concept ANGER IS HEAT, which is an embodied metaphor based on human physiological perception regardless of language and culture. On the other hand, we can observe some differences that can be explained by different cultural beliefs. The source domains in English and Chinese differ but the mapping between the source and target domain remains the same.

References

1. Akhundov, Murad D. *Conceptions of space and time*. Cambridge, MA: MIT Press, 1986.
2. Alverson, H. *Semantics and Experience: Universal Metaphors of Time in English, Mandarin, Hindi and Sesotho*. Baltimore, MD: John Hopkins University Press, 1994.
3. Chen P. A cognitive study of «Anger» metaphors in English and Chinese idioms. *Asian Social Science*, 6(8) 2010. Pp. 73-76.
4. Dirven R. *Metonymy and metaphor: Different mental strategies of conceptualization*. *Leuvense Bijdragen* 82. 1993. Pp. 1-28.
5. Fesmire, Steven A. What is 'cognitive' about cognitive linguistics? *Metaphor and Symbolic Activity*, 2009. Pp. 31-44.
6. Knowles M., Rosamund M. *Introducing Metaphor*. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2006.
7. Kövecses, Z. *Language, mind, and culture: a practical introduction*. Oxford; New York: Oxford. 2006.
8. Lakoff G., Johnson M. *Metaphor We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
9. Lakoff G., Kövecses Z. The cognitive model of anger inherent in American English. In Dorothy Holland and Naomi Quinn (eds.). 1984. Pp. 195-221.
10. Liu, Di-lin. *Metaphor, Culture, and Worldview: The Case of American English and the Chinese Language*. Lanham: University Press of America, 2002.
11. Ortony A., Gerald L.C., Collins A. *The Cognitive Structure of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
12. Steen G., Gavins J. *Introductory Readings in Cognitive Poetics*. London: Routledge, 2003.
13. Yu N. *The Contemporary Theory of Metaphor: A Perspective from Chinese*. John Benjamins Publishing Company: Amsterdam/Philadelphia, 1998.
14. Yu N.. *Figurative uses of finger and palm in Chinese and English*. *Metaphor and Symbol*. 2000. 15. Pp. 159-175.

РАЗДЕЛ III. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.111'37

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-3-3-24-27

Данилова Е. С.

ЭКСПЛИЦИТНОСТЬ И ИМПЛИЦИТНОСТЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РЕЦИПИЕНТА: РОЛЬ ЭПИТЕТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОБ ОБЪЕКТЕ

старший преподаватель кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, к. филол. н. НИУ «БелГУ», ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Российская Федерация. E-mail: elenasdanilova@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль изобразительных средств языка, в частности, эпитетов, в формировании у реципиента оценочного суждения об объекте на основании данных письменного источника. В текстах определенной жанровой принадлежности лексемы эмоционально нейтральны, и выводы о состоянии объекта делаются читателем на основании перечисленных фактов. В иных источниках для принятия оценки о положительной либо отрицательной коннотации тех или иных эпитетов необходимо принимать во внимание значение тех или иных признаков для лиц с разным мировоззрением, опытом и ценностными установками.

Ключевые слова: эксплицитное/имплицитное воздействие, изобразительные средства языка, эпитет, оценочное суждение

E.Danilova

EXPLICIT AND IMPLICIT RECIPIENT INFLUENCE: THE ROLE OF EPITHETS IN SHAPING AN IMPRESSION OF AN OBJECT IN QUESTION

senior lecturer at Belgorod State University, PhD in Philology, Belgorod State University, 308015, 85 Pobedy Str., Belgorod, Russia. E-mail: elenasdanilova@rambler.ru

Abstract. The article deals with the role of figures of speech enabling readers to shape evaluative judgements of the objects described, based on the written data. Lexical units are emotionally neutral in some genres, thus the conclusions shall only be made by the reader, based on the facts listed in the text. In case of other written sources, the positive or negative connotation of some characteristics may vary in different cultures, which is to be taken into account before a judgement is made.

Key words: explicit / implicit influence, figures of speech, epithet, evaluative judgement

Введение

В настоящее время большую часть информации об интересующих нас объектах мы получаем из письменных источников: руководств по эксплуатации, рекламных проспектов, опубликованных отзывов и т.д. Соответственно, от содержания этих материалов напрямую зависит впечатление, которое формируется в нашем сознании относительно тех или иных объектов. Всегда ли мы осознаем, какими средствами авторы создают у нас это впечатление? В зависимости от жанра источника такие материалы прямо или косвенно

способствуют формированию у нас собственного мнения.

Основная часть

Целью настоящего исследования является произвести сравнение различных письменных источников и сформулировать выводы об их эксплицитной или имплицитной роли в формировании наших оценочных суждений.

В качестве материалов исследования были выбраны письменные источники различной жанровой принадлежности, в частности, спецификации, заключение экспертизы, публицистические и художественные тексты.

Результаты исследования и обсуждение

Как правило, письменные источники определенных жанров предоставляют лишь факты об объектах, материалах, изделиях, позволяя нам самим делать выводы. Это научно-техническая литература, спецификации, акты пуска в эксплуатацию, руководства и т.д. Например, экспертиза здания содержит описание конструкции и состояния помещений: «Two storey semi-detached house», «three bedrooms», «furnishings and fittings are not moved» [6].

Несмотря на наличие в следующем примере эпитетов «high» и «above average», источник остается неподвизтым, а мнение его можно считать объективным, поскольку при составлении заключения основным критерием пригодности-непригодности здания являлось его соответствие действующим строительным и санитарным нормам: «above average structural condition, structure has been built to a high standard» [6].

Спецификация на строительный материал также содержит перечисление механических свойств безотносительно их положительной или отрицательной коннотации:

Quality of concrete or steel is represented by not only compressive or tensile strength but also other material properties such as other strengths, modulus of elasticity or deformation characteristics, thermal characteristics, durability and water tightness [9].

Таким образом, по данным технической документации впечатление об объекте создается на основании эксплицитных описаний характеристик изделия и его соответствия действующим нормативам. При этом лексемы *durability*, *strength*, которые в ином контексте имели бы положительное значение, в данном отрывке эмоционально нейтральны.

Напротив, в художественных, публицистических, рекламных текстах тропы (эпитеты, парентезы), а также справочная информация подбирается таким образом, чтобы создать у читателя желаемое впечатление. В художественной литературе детали в описаниях интерьера способствуют формированию утонченного образа персонажа, свидетельствуют о достатке, вкусе, указывают на тенденции определенного периода. Например, описания интерьера в работах О.Уайльда изобилуют эпитетами, которые характеризуют не только цветовую гамму, но и качество предметов мебели:

«It was, in its way, a very charming room, with its high-panelled wainscoting of olive-stained oak, its cream-coloured frieze and ceiling of raised

plasterwork, and its brick-dust felt carpet strewn with silk long-fringed Persian rugs. On a tiny satinwood table stood a statuette by Claudion, and beside it lay a copy of *Les Cent Nouvelles*... Some large blue china jars and parrot-tulips were arranged on the mantelshelf...» [10, с. 84].

С одной стороны, выдержанные цвета свидетельствуют о наличии вкуса у хозяина: *brick-dust*, *olive*, *cream-coloured*, а мебель и отделка помещений свидетельствует о достатке: *oak*, *satinwood table*. С другой, налицо смешение стилей: лепнина и статуэтки персонажей классической мифологии сочетаются с персидскими коврами с бахромой. Не углубляясь в характер персонажа (в данном случае Лорда Генри), можно сделать вывод не только о его любви к качественным вещам, но также и о стремлении соответствовать модным течениям: в частности, интерес к восточным товарам наверняка был связан не только с известным качеством персидских ковров, но и с колониальной политикой Британии, деятельностью Ост-Индской компании, которая наверняка оказала свое влияние на товарооборот со странами Азии и Африки и таким образом косвенно способствовала популяризации продукции, привозимой из этих стран [2], [7].

Таким образом, всего несколько деталей, мастерски описанных автором при помощи эпитетов, позволяют создать полное впечатление о персонаже и содержит указание на фоновые события периода.

Можно ли считать, что эпитеты позволяют сформировать однозначно положительную или однозначно отрицательную оценку события или предмета? И.В. Чекулай и О.Н. Прохорова отмечают, что «ценности не имеют определенного оценочного знака, потому что кореферентные объекты могут обладать положительной ценностью для одних субъектов оценки и отрицательной – для других; иными словами, с аксиологической точки зрения один и тот же объект может иметь как ценность, так и антиценность» [4, с. 24]. Например, в вышеуказанном контексте присутствует прямое указание на любовь персонажа к роскоши: «a *luxurious arm-chair*», а также на необычный вкус хозяина: «it was, in its way, a very charming room». При этом от читателя зависит, согласиться или не согласиться с выбором персонажа, принять или не принять его вкусы. Некоторые элементы эклектики в интерьере, описанные выше, могут быть привлекательными для одного читателя и оттолкнуть другого. Таким образом, эпитет не формирует наши суждения сам по себе, но

действует в совокупности с нашими убеждениями, мировоззрением, фоновыми знаниями.

И.Р. Гальперин характеризует эпитет как «выразительное средство, основанное на выделении качества, признака описываемого явления, которое оформляется в виде атрибутивных слов или словосочетаний, характеризующих данное явление с точки зрения индивидуального восприятия этого явления» [1, с. 139]. Публицистический материал, содержащий описание лучших отелей США, включает ряд эпитетов, напрямую характеризующих уровень помещений:

«luxurious», «iconic», «one of the nation's top hotels», «presidential-style»:

«...we are taking a look at some of the nation's top hotels (and their most luxurious suites) that are truly fit for a president» [8].

Помимо этого, положительное впечатление создается благодаря упоминанию в тексте фактов, ассоциирующихся с роскошью, например, просторности: «the 1,900-square-foot Thomas Jefferson suite», «five-bedroom Cole Porter suite», «the expansive presidential suite», а также удобного расположения: «overlooks the White House and St. John's Church». О достатке и об уважении к клиентам свидетельствует и подлинность изделий: «all original artwork», «...includes a piece of the Berlin Wall, among other memorabilia», «Frette linens» (постельное белье итальянского производителя категории люкс), обеспечение приватности: «private entrances to your hotel room», «your own dining room for 10» [8].

Авторы формируют у читателя впечатление не только прямым описанием роскошных деталей интерьера, но и косвенно, позволяя ему представить собственные ощущения. Эту роль в тексте выполняют не только эпитеты, но и сравнение:

«spend a few days in the presidential suite feeling like one of the world's most important officials» [8].

Нередко прилагательное, выступающее в роли эпитета, употребляется в превосходной степени: «highest office». В этом случае, как отмечает И.В. Чекулай, «сравнение рассчитано ... на достижение определенного эффекта от его использования» [5, с. 161]. В данном случае ожидаемым результатом как раз и является создание положительного впечатления об объекте и привлечение клиентов:

«This iconic Denver hotel has a long track record of visits from those who have held America's highest office» [8].

Т.В. Марченко рассматривает эпитеты не в узкой трактовке (прилагательные как таковые), но в широкой (прилагательные, наречия,

существительные, деепричастия), и указывает, что «для английского языка, например, характерен такой тип эпитета как фразовый, представленный словосочетанием или предложением с предикацией [3, с.18]. Примером последнего можно считать части фраз, содержащих прецизионную информацию – упоминание первых лиц, пребывавших в указанном отеле: «George H.W. Bush stayed here during his inauguration», «it has played host to plenty of big names, including Bill Clinton», «Denver hotel has a long track record of visits from those who have held America's highest office». Несомненно, эпитеты сохраняют здесь свою роль, указывая на статус посетителей: «big (names)», «acclaimed», «highest office», «high-ranking»:

«It has played host to plenty of big names... (in addition to being the trusted hotel for students, parents of students, and acclaimed professors)» [8].

При формировании образа роскоши имеет значение не только внутреннее убранство, но и удобство расположения. Так, в рассмотренном контексте не только отель, но и инфраструктура городского квартала ориентирована на посетителей высшего уровня:

«And for very high-ranking heads of state, there's a special Metro-North train waiting below Park Avenue (underneath the hotel)» [8].

Исключительность сервиса подчеркивается эпитетом «special», а эпитет «very high-ranking» указывает на узкий круг клиентов.

Результаты

Таким образом, формирование у читателя впечатления об описываемом объекте происходит преимущественно при помощи эпитетов, выраженных прилагательными, т.е., эпитетов в узком значении. Такие тропы напрямую способствуют формированию впечатления у реципиента, однако в ряде случаев следует учитывать личностный опыт, мировоззрение, менталитет адресата, т.к. один и тот же эпитет может способствовать формированию положительной или негативной оценки. В текстах различной жанровой принадлежности та или иная лексема может иметь нейтральную коннотацию, если обозначает техническую характеристику материала или его соответствие определенным стандартам. Употребление приема сравнения, а также превосходной степени прилагательных имеет цель подчеркнуть свойства объекта. Косвенно на выводы, которые делает реципиент из получаемого письменного источника, воздействуют так называемые фразовые эпитеты, содержащие предикативную часть.

Итак, формирование оценочного суждения на основе выразительных средств языка тесно

связано с жанровыми особенностями источника; мнение автора в источнике выражается эксплицитно или имплицитно, при этом эпитет в узком понимании скорее всего влияет на мнение читателя эксплицитно, т.е., в некотором роде навязывает это мнение, а фразовый эпитет, уточнения, перечисления, прецизионная информация служат средством имплицитного воздействия на реципиента для формирования впечатления об объекте.

Список литературы

1. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 459 с.
2. Данилова Е.С. Влияние Востока на культуру европейской цивилизации: отражение элементов восточной культуры в литературе и публицистике Британии и США / Е.С. Данилова // Коммуникативно-когнитивный підхід до викладання філологічних та психолого-педагогічних дисциплін: зб. матеріалів міжвуз. наук.-практ. клнф. 19-20 квітня 2013р. м. Євпаторія. Ялта; Євпаторія: РВВ КГУ; ЕІСН КГУ, 2013. 148 с. С.136-139.
3. Марченко Т.В. Эмоционально-образный и оценочный потенциал эпитетов: переводческий аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. №10 (28) С.118-121.
4. Чекулай И. В., Прохорова О. Н. Принципы функционально-деятельностного подхода к описанию аксиологических явлений в языке и речи // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2009. №6 (61).
5. Чекулай И. В., Прохорова О. Н. Принципы оценочной актуализации как ментальные и речевые варианты принципов ценностной квазикатегоризации и их характерные черты // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2010. №18 (89). С.157-166.
6. Confidential Property Survey Report // www.propertyhealthcheck.ie/wp-content/uploads/2016/02/More-Modern-House-Sample-Survey.pdf (Дата обращения: 01.10.2016)
7. East India Company // Encyclopaedia Britannica. URL: <http://global.britannica.co/topic/East-India-Company>. (Дата обращения: 05.10.2016)
8. Most amazing presidential suites // Vogue URL: <http://www.vogue.com/13489786/most-amazing-presidential-suites/>. (Дата обращения: 01.10.2016).
9. Standard specifications for concrete structures-2007 «design»// JSCE Guide for Concrete No 15. Japan Society of Civil Engineers. URL: www.jsce-int.org/system/files/JGC15_Standard_Specifications+DEsign_1.0.pdf (Date of access: 07.10.2016).

Society of Civil Engineers. URL: www.jsce-int.org/system/files/JGC15_Standard_Specifications+DEsign_1.0.pdf. (Дата обращения: 07.10.2016).

10. Wilde, O. The Picture of Dorian Grey. Broadview Press, 1998. 280. P.84.

References

1. Galperin, I.R. Essays on English Stylistics. Moscow: Izdatelstvo literatury na inostrannykh yazykah, 1958. 459p. P.139.
2. Danilova, E.S. Oriental influence in European culture: elements of Oriental culture reflected in the literature and media publications of Great Britain and the USA / Danilova, E.S., The communicative and cognitive approach in teaching philology, psychology and pedagogics: a collection of interuniversity conference 16-20 April, 2013. Eupatoria. Yalta: RBB KGU; EICH KGU. 2013. P.136 – 139.
3. Marchenko, T.V. The emotional and evaluative potential of epithets: translation aspect // Philological sciences. Issues and Theory and Practice. 2013. Vol.10 (28). P.118 – 121.
4. Chekulai, I.V., Prokhorova, O.N. Principles of functional and actional approach in describing axiological phenomena in language and speech // The Scientific Bulletin of Belgorod State University. The Humanities series. 2009. Vol.6 (61).
5. Chekulai, I.V., Prokhorova, O.N. Principles of evaluative actualization as mental and speech variants of evaluative quasi-categorization principles and their characteristic properties // The Scientific Bulletin of Belgorod State University. The Humanities series. 2010. Vol. 18 (89). P. 157 – 166.
6. Confidential Property Survey Report // Property Health Check. URL: www.propertyhealthcheck.ie/wp-content/uploads/2016/02/More-Modern-House-Sample-Survey.pdf. (Date of access: 01.10.2016).
7. East India Company // Encyclopaedia Britannica. URL: <http://global.britannica.co/topic/East-India-Company>. (Date of access: 05.10.2016).
8. Most amazing presidential suites // Vogue. – URL: <http://www.vogue.com/13489786/most-amazing-presidential-suites/>. (Date of access: 01.10.2016).
9. Standard specifications for concrete structures-2007 «design»// JSCE Guide for Concrete No 15. Japan Society of Civil Engineers. URL: www.jsce-int.org/system/files/JGC15_Standard_Specifications+DEsign_1.0.pdf (Date of access: 07.10.2016).
10. Wilde, O. The Picture of Dorian Grey. Broadview Press, 1998. 280. P.84.

РАЗДЕЛ IV. РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-3-3-28-34

Виолета Джонич

**ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ
АНАЛИЗ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ**

доктор наук, кафедра русского языка и литературы философского факультета,
Университет в Нише, Сербия

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию ряда русских фразеологизмов, их связи с историей и культурными реалиями того или иного времени, с социально-национальной средой, в которой они формировались. В центре внимания автора находятся собственно русские по происхождению фразеологизмы, составляющие ядро русской фразеологической системы и обладающие ярко выраженной национально-культурной спецификой. Особенно детально рассматриваются фразеологизмы, утратившие связь между внутренней формой и значением. Автор систематизировал и обобщил представленные в лексикографических источниках сведения об их происхождении и функционировании. Предложенная автором тематическая классификация собственно русских фразеологических единиц базируется на выявлении их доминантных признаков. В качестве отдельной группы в составе идиоматических выражений рассматриваются фразеологизмы-топонимы, ярко репрезентирующие взаимосвязь языка и действительности. Данная группа фразеологических единиц представляет собой, по мнению автора, богатый материал для лингвокультурного анализа. Работа имеет как теоретическое, так и практическое значение. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании русского языка как инославянского.

Ключевые слова: фразеологическая единица, образность, культура, обычаи, этимология.

V. Dzonic

**HISTORICAL, ETYMOLOGICAL AND LINGUOCULTURAL ANALYSIS
OF RUSSIAN PHRASEOLOGISMS**

Abstract. This article is devoted to the study of a number of Russian phraseological units and their relation to the history and cultural realities of a particular time, as well as the social and national environment in which they were formed. The author focuses on the actual Russian phraseologisms by their origin, which make up the core of Russian phraseological system and display distinct national and cultural identity. The author gives special attention to the idioms which have lost relation between the inner form and meaning. The author systematized and summarized information presented in lexicographical sources about their origin and functioning. The thematic classification of actual Russian phraseological units proposed by the author is based on the identification of their dominant features. As a separate group of idiomatic expressions, the author considers phraseological toponyms which brightly represent the relationship between language and reality. According to the author, the given group of phraseological units represents rich material for linguocultural analysis. The paper has both theoretical and practical significance. The results of the study can be used in teaching the Russian language as a second Slavic language.

Key words: phraseological unit, imagery, culture, customs, etymology.

Фразеологизмы любого языка отражают особенности образного мышления народа и тесно связаны с культурой, историей, традициями страны. Образность, приходящая из

национально-культурного своеобразия указанных единиц, является основным признаком их значений и носителем лингвострановедческой информации. Со временем, однако, образность

данных единиц «затемняется», и даже носители языка уже с трудом могут воспроизвести эту информацию.

Многие идиоматические выражения современного русского языка (*собаку съел* – мастер в чем-либо; *скатертью дорога!* – пожелание убраться вон, куда угодно и др.) утратили свою мотивированность и связь между внутренней формой и общим значением. В некоторых случаях в состав фразеологизмов входят архаизмы, а также устаревшие и вышедшие из употребления формы слов (*одним миром мазаны*, *говорить невесть что, ни зги не видно* и др.). Это вызывает значительные коммуникативные трудности у студентов-иностранцев.

Освоение учащимися культуры и истории страны изучаемого языка является необходимым условием успешного обучения. История фразеологических оборотов раскрывает многие особенности русской национальной культуры, нередко неожиданные и малоизвестные для иностранцев. Историко-этимологический и лингвокультурный анализ подобных выражений позволяет лучше понять их значение, что ведет к безошибочному и уверенному использованию их в речи, адекватному восприятию в текстах разных стилей и жанров.

Настоящее исследование проводится на материале фразеологических словарей русского языка (см. Лексикографические источники).

Фразеологические обороты современного русского языка имеют различное **происхождение**. Н.М. Шанский выделяет четыре группы: 1) исконно-русские фразеологические обороты, 2) заимствованные фразеологические обороты, 3) фразеологические кальки и 4) фразеологические полукальки [Шанский 2002: 5].

Большинство фразеологизмов исконно русского происхождения: *в один голос*; *положа руку на сердце*; *водой не разольешь* и др. По **времени появления** исконно русские фразеологические обороты подразделяются на три группы:

1) общеславянские фразеологические обороты, унаследованные русским языком из общеславянского языка (распадение последнего относится к V – VI вв.). К общеславянским фразеологическим оборотам относится, например, *водить за нос* (ср. укр. *водити за ніс*, полск. *wodzić za nos*, болг. *водя за носа*, серб¹. *водити за нос* и т. д.);

2) восточнославянские фразеологические обороты, возникшие в эпоху существования древнерусского языка (VI – XV вв.), который являлся языковой общностью русских, украинцев и белорусов;

3) собственно русские фразеологические обороты, появившиеся в русском языке в эпоху раздельного существования русского, украинского и белорусского языков (начиная с XV в.). Собственно русских фразеологизмов в русском языке очень много. Они-то и создают глубоко своеобразный и национальный характер фразеологической системы русского языка [Шанский 2002: 5].

Исконно русские фразеологические обороты образовались различными способами. В зависимости от того языкового материала, который лег в основу будущей фразеологической единицы, а также способа фразеологизации (с учетом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов) можно наметить несколько основных способов образования фразеологических единиц:

1) переосмысление свободных сочетаний слов: *попасть впросак*, *пройти (сквозь) огонь, воду и (медные трубы)*, *пускать/пустить пыль в глаза*, *обвести вокруг пальца* и т. п. Это основной способ образования фразеологических единиц;

2) переосмысление устойчивых сочетаний: *чистой воды*, *геена огненная*, *до скончания века* и др.;

3) образование по модели уже существующих выражений: *живой труп* (по аналогии с фразеологизмами типа *белая ворона*);

4) образование фразеологизмов на основе авторских оборотов: *слона-то я и не заметил* (И. А. Крылов), *дистанция огромного размера* (А. С. Грибоедов), *рожденный ползать летать не может* (М. Горький) и др.;

5) образование фразеологизмов на основе пословиц и поговорок: *старый воробей из старого воробья на мякине не проведешь*, *колоть глаза из правда глаза колет* и др.;

6) образование фразеологизмов путем переосмысления терминологических сочетаний: *катиться по наклонной плоскости* [Шанский 2002: 6].

Заимствованные фразеологизмы – это такие, которые в качестве готовых воспроизводимых единиц пришли в русский язык из других языков и употребляются в нем в том виде, в котором они известны (или были известны) в языке-источнике. Многие фразеологизмы заимствованы русским языком из старославянского: *знамение времени*,

¹ Пример автора.

на сон грядущий, как зеницу ока, до скончания века, святая святых и др. Значительно меньше фразеологических единиц заимствовано из других языков: из латинского (*за и против*), из французского (*на войне как на войне*) и др. Нерусское происхождение этих фразеологизмов проявляется в том, что они по своему употреблению ограничены книжной речью, часто не транслитерируются и передаются нерусскими буквами, сохраняют обычно все свойства, присущие им в языке-источнике, например: лат. *alma mater* (буквально – «мать-кормилица», употребляется для обозначения высшего учебного заведения, в котором учился говорящий).

Определенное количество фразеологизмов, бытующих в современном русском языке, является фразеологическими кальками и полукальками. Под фразеологической калькой понимается фразеологический оборот, появившийся в русском языке в результате буквального, т. е. пословного, перевода иноязычного оборота. Такими фразеологизмами являются, например, *быть не в своей тарелке* из французского языка или *борьба за существование* из английского языка. Фразеологическая полукалька – это полужаимствование чужого фразеологического оборота, когда одна часть компонентов иноязычного фразеологизма переводится, а другая часть заимствуется без перевода.

Многие фразеологизмы на протяжении своего существования пережили значительные изменения в семантике, структуре, составе. Например, оборот *на том свете* первоначально имел вид *на оном свете* (на ономъ свѣтѣ). Местоимение *онъ* («тот»), указывавшее когда-то на объект, находящийся за пределами видимости говорящего, было со временем утрачено и заменено словом *тот*. Выражение *на сон грядущий* в современном русском языке принадлежит к модели «предложно-падежная форма сущ.+ прил.». Однако исходная форма его была *на сон грядущим* (т. е. «отходящим ко сну»), представляющая собой название одного из разделов в молитвеннике. «Изменение структуры этого фразеологизма было обусловлено влиянием фразеологизмов, принадлежащих к регулярной и продуктивной модели» [Шанский 2002: 7].

По нашему мнению, наиболее интересными с точки зрения образности и содержащейся в них культурной и исторической информации являются собственно русские фразеологизмы. Создающие «глубоко своеобразный и

национальный характер фразеологической системы русского языка [Шанский 2002: 5], они занимают особое место в лексике русского языка. Учитывая характерные особенности их происхождения, данные фразеологизмы можно подразделить на следующие группы²:

1. Фразеологизмы с доминантным признаком «личность», например, *большая шишка* (неодобр. О важном, значительном человеке, занимающем высокий пост; собств. русск. Возможно, из речи бурлаков. *Шишкой* называли самого опытного и сильного бурлака, идущего в лямке первым.); *Шемякин суд* (Несправедливый суд; из старинной русской сатирической повести о Шемякином суде, обличавшей произвол феодального суда. Князь Дмитрий Шемяка умер в 1453 г.); *лиса Патрикеевна* (прост. О хитром, изворотливом человеке (обычно о хитрой, лъстивой женщине); собств. русск.; примерно с XV в. Лиса по своим повадкам является символом хитрости в русском фольклоре. *Патрикеевна* – от собственного имени литовского князя Патрике Паримонтовича, который отличался хитростью и пронырливостью.); *семеро одного не ждут* (Из-за того, что кто-то опаздывает, дело не может откладываться; собств. русск. Очевидно, от семи бояр (времен семибоярщины), разгневанных польским королем Владиславом, не согласившимся вступить на русский престол на предложенных ими условиях и обманувшим тем самым их ожидания.); *Потемкинские деревни* (книжн. Обман, очковтирательство, показной блеск чего-л.; при неблагоприятном состоянии дел; собств. русск.; с конца XVII – начала XX в. От имени Г. А. Потемкина (государственного деятеля времен Екатерины II), который после присоединения Крыма к России совершил поездку в Крым с императрицей Екатериной II. Потемкин приказал строить на пути императрицы показательные селения с расписными избами, выставлять празднично одетых людей и т.п., чтобы показать ей процветание новой территории.); *Филькина грамота* (прост. Фальшивый или не имеющий силы документ; собств. русск. *Филька* – глупый, недалекий человек. Время возникновения относят иногда к царствованию Ивана Грозного, который преследовал московского митрополита Филиппа, выступавшего против бесчинств царя: царь

² В целях иллюстрации образности и историко-культурного происхождения исследуемых фразеологизмов приводим их полное описание из фразеологических словарей.

презрительно называл разоблачительные послания митрополита Филькиными грамотами.) и пр.

2. Фразеологизмы с доминантным признаком **«историческое событие или явление, обычаи, фольклор»**, например: *вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* (Выражение разочарования из-за неудачи в каких-л. непредвиденных обстоятельствах; собств. русск.; с начала XVII в. Обычно связывают с отменой права перехода крестьян от одного хозяина к другому, что было и без того ограничено и могло происходить только за неделю до Юрьева дня (26 ноября по старому стилю) и неделю после. Этот запрет означал полное закрепощение крестьян. По другому предположению, в осенний Юрьев день, после окончания сельскохозяйственных работ, хозяева, рассчитываясь с наемными работниками, обычно обсчитывали их.); *далеко кулику до Петрова дня* (Еще многого не хватает кому-н. до полного успеха; еще рано успокаиваться; еще далеко до времени, когда можно будет отдохнуть; собств. русск. С начала весны и до Петрова дня (29 июня по старому стилю) жизнь кулика наполнена особыми заботами (уход за куличихой, за прожорливыми птенцами и т. п.). Лишь к Петрову дню, когда вырастают птенцы, труд кулика кончается, можно и отдохнуть.); *Казанская сирота* (ирон. О человеке, прикидывающемся несчастным, обиженным; собств. русск.; с XVII в. Первоначально о татарских мирзах (князьях), которые после покорения Казанского царства русскими (во времена Ивана Грозного) старались получить от русских царей всевозможные поблажки, жалуясь на свою горькую участь.); *как Бог на душу положит* (Произвольно, как получится; собств. русск. Царские суды в Москве, в Приказе большого Дворца, решал сам государь, который почитался Божиим помазанником и судил, «как Бог ему на сердце положит».); *семь пятниц на неделе (на дню семь пятниц)* (шутл. О том, кто часто меняет свои решения, мнения; собств. русск.; примерно с XVIII в. В пятницу, которая была свободным от работы днем, в базарный день, устраивались всякие сделки (прежде всего торговые), заключались они обычно в присутствии свидетелей, нанимаемых за определенную плату. Если нужно было расторгнуть договор, зарегистрировать его выполнение и т.п., то это делалось опять-таки в пятницу в присутствии тех же свидетелей. Свидетели, желая получить выгоду, часто торопили события, не дожидаясь пятницы.); *шиворот-навыворот* (1. Наизнанку.

2. В обратном порядке, наоборот; собств. русск. *Шиворот* от *шивоворот* (шейный ворот, воротник). Прикрепленный или застегнутый наизнанку воротник вызывал насмешки. По распоряжению Ивана Грозного попавших в опалу бояр сажали задом наперед на лошадь в вывернутой наизнанку одежде, при этом вывернутый воротник, видимо, обращал на себя особое внимание зрителей.) и т. д.

3. Фразеологизмы с доминантным признаком **«повседневные явления, ситуации, окрашенные культурно-национальным компонентом»**, например: *будет и на нашей улице праздник* (Придет и наше время радоваться; собств. русск. Ранее улица представляла собой самостоятельную административную единицу со своим управлением. У каждой улицы были свои праздники, на которые приглашались и жители других улиц. Но каждый житель ждал праздника на своей улице.); *(врет) как сивый мерин* (прост. Бессовестно и невероятно лжет кто-н.; собств. русск. Сивая лошадь считалась в народе глупой, и русские крестьяне обычно избегали прокладывать первую борозду на сивом мерине, т.к. он мог ее проложить неверно.); *ждать у моря погоды* (Надеяться на что-л., оставаясь пассивным; вероятно, собств. русск. От практики мореплавания: при бурном море, непогоде суда не отправляются в плавание. Слово *погода* используется здесь в устаревшем значении как «хорошая погода, ведро».); *как (будто) аршин проглотил* (Держится неестественно прямо; собств. русск. Из речи портных, торговцев: имеется в виду палка аршинного размера, которой измеряли материю.); *комар носа не подточит* (Очень аккуратно, очень точно (о какой-л. выполненной работе); собств. русск. Первоначально о столярных изделиях: имелось в виду, что изделие отполировано, отшлифовано настолько гладко, что нет даже таких шероховатостей, которые мог бы и комар задеть своим носом.); *скатертью дорога* (прост. Пожелание убираться вон, куда угодно; собств. русск. Первоначально пожелание счастливого пути, гладкого, как стол. Скатерть из *дъскабрьть* – верхняя крышка стола.); *собаку съел* (Кто-л. является знатоком чего-л., имеет богатый опыт в чем-л.; собств. русск. От поговорки *собаку съел, а хвостом подавился*. Съесть целую собаку если не невозможно, то очень трудно. Отсюда переход к современному значению: кто сделал или может сделать что-л. очень трудное, является признанным мастером своего дела.) и т. п.

Данная классификация является условной, поскольку не всегда удается однозначно отнести фразеологизм к той или иной тематической группе. Так, фразеологизмы *лиса Патрикеевна*, *шиворот-навыворот* обладают признаками, присущими как первой, так и второй группе, фразеологизм *как сивый мерин* может входить во вторую и третью группы. Предложенное нами распределение фразеологизмов базируется на выявлении доминантного признака.

Большинство проанализированных нами фразеологизмов являются собственно русскими по происхождению. Значительно меньше в рассматриваемых источниках восточнославянских идиом. К числу последних можно отнести, например, фразеологизм *бить челом* (устар. 1. Почтительно просить о чем-л. 2. Жаловаться на кого-л. – Восточнослав. По старому обычаю Древней Руси проситель, обращаясь к кому-л., падал перед ним на колени, низко кланяясь, касаясь челом земли или пола. *Чело* (устар.) – лоб.).

Широко распространены в русском языке фразеологические кальки. Самыми многочисленными являются кальки с латинского и французского языков. Как известно, наибольшую популярность французский язык приобрел в XVIII в., в эпоху Петровских реформ. Именно в этот период в русский язык пришло значительное количество калькированных оборотов с французского. Например, *позолотить / золотить пилюлю* (Скрасить неприятное сообщение. – Калька с франц. *dorer la pilule*. Аптекари покрывали горькие пилюли сладким веществом золотистого цвета, чтобы сделать их более приятными на вкус.), *оседлать / седлать пегаса* (книжн. Заняться поэзией, начать писать стихи. – Калька с франц. *enfourcher Pegase*. *Пегас* – в древнегреческой мифологии крылатый конь, символизирующий поэтическое вдохновение.) и т.д.

Многие подобные выражения, представляющие собой буквальный перевод иноязычного оборота, уже не воспринимаются как чужеродный элемент, а стали, наряду с собственно русскими единицами, неотъемлемой частью языка. Большинство таких выражений являются интернациональными. К их числу относятся следующие: *отец семейства* (Мужчина, обремененный семьей, имеющий детей. – Калька с лат. *pater familias*.); *о вкусах не спорят* (Вкусы у людей очень разные и нет критериев для их оценки. – Калька с лат. *de gustibus non disputandum*. Из средневековых

схоластических источников.), *О времена, о нравы!* (Выражение удивления по поводу обычаев, моральных устоев определенного периода жизни. – Калька с лат. *O tempora! O mores!* Из речей Цицерона (106–43 гг. до н. э.); *ноев ковчег* (Дом со множеством жильцов, вообще что-л. переполненное, перенаселенное. – Вероятно калька с франц. *Arche de Noe* или нем. *Arche Noah*. Из библесского рассказа о всемирном потопе.) и пр.

Особую группу составляют фразеологизмы-топонимы, т.е. метафорические определения географических объектов (стран, городов, континентов), использующиеся наряду с их официальными названиями. Фразеологизмы-топонимы, имеющиеся в каждом языке, содержат своеобразную национально-культурную информацию.

По нашим наблюдениям, образность данных метафорических определений имеет три источника: 1) характерные особенности географического положения топонима, специфика климата, флоры и фауны и т.п.; 2) культурно-исторические события, произошедшие в том или ином месте, и выдающиеся личности, причастные к ним; 3) ремесло и занятия местных жителей.

Фразеологизмы-топонимы с точки зрения происхождения делятся на собственно русские и заимствованные. Последние, как правило, являются международными.

В последние десятилетия данные фразеологические обороты все чаще используются в прессе. Так, говоря о международных связях России и Финляндии, журналисты нередко употребляют выражение «*Северный сосед*», источником образности которого стало географическое положение топонима. Тот же принцип номинации лежит и в основе образного именованья города Санкт-Петербург – «*Северная столица*». Кроме того, Санкт-Петербург называют и «*Северной Венецией*», причиной чему является сходство географического положения российского и итальянского городов, расположенных на воде и на островах.

Другой источник образности – занятие, ремесло, профессия людей, проживающих в определенной местности, – используется, например, в метафорическом названии города Тула – «*Город оружейников*». Тула с давних времен славилась мастерами по изготовлению оружия, самыми опытными в России оружейниками. [Баско 2003: 118].

Москву, как известно, образно называют «Третьим Римом», потому что она стала преемницей христианской религии от Византии с центром в Константинополе, считавшимся, в свою очередь, преемником Рима. Вот как об этом пишет известный американский ученый, специалист по русской истории и культуре Сюзанна Масси в своей книге «Земля жар-птицы. Краса былой России»: «После разгрома Константинополя в 1453 году турками-мусульманами Москва ощутила себя «Третьим Римом». Последним оплотом истинной церкви во всем христианском мире. Первый Рим, как считалось, пал под натиском варваров, погрязнув в пороке, второй – Константинополь – завоеван и разграблен иноверцами. «Третьему Риму – стоять, – утверждала новая доктрина, – а четвертому – не бывать». Вскоре в 1589 году Митрополит был возведен в сан Патриарха. Правитель Москвы был объявлен не только защитником истинной веры, но и преемником императоров Византии и кесарей Рима, «помазанником Божиим» [Масси 2000: 119].

Появление новых фразеологизмов-топонимов ярко отражает динамику политических и социальных изменений, происходящих в стране, демонстрируя тем самым взаимосвязь языка и реальности. Так, после распада Советского Союза в российских средствах массовой информации появились такие выражения, как «*страны дальнего зарубежья*» и «*страны ближнего зарубежья*». «*Странами ближнего зарубежья*» называют все независимые государства, входившие ранее в состав Советского Союза на правах республик – Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Армения, Грузия, Азербайджан, Украину, Беларусь, Молдову. Все остальные зарубежные государства стали называть «*странами дальнего зарубежья*». Именно с помощью прессы, радио и телевидения в русском языке закрепились новые описательные названия [Баско 2003: 120].

Немало в русском языке и интернациональных, или международных, образных описательных названий городов и стран мира. Японию называют «*страной восходящего солнца*», потому что это самая восточная страна мира, в которой раньше, чем в других странах, восходит солнце. Рим, имеющий почти трехтысячелетнюю историю, в ходе которой его не раз разрушали, по праву носит название «*Вечный город*». Источником образного именованья Канады – «*Страна кленового листа*» – является символика ее государственного флага.

Нередко в основе образной номинации лежат исторические события. Например, название «*Туманный Альбион*» дали Британии римские завоеватели. Подплывая к острову, они увидели в тумане известняковые скалы. И первое впечатление, которое, как известно, самое сильное, закрепилось в языке. «Альбус», – сказал латинский легионер. И Британия стала «белым островом» – Альбионом. Альбион – латинское название Британии.

Образное именованье Нью-Йорка – «*Большое яблоко*» – пришло в русский и другие языки из английского. Впервые оно было употреблено американских СМИ и принадлежит спортивному обозревателю Ф.С. Фитджеральду, писавшему о лошадиных скачках для газеты «The Morning Telegraph» в 1920-х годах. Однажды, будучи в Новом Орлеане по заданию редакции, он услышал, как негры-конюхи называли нью-йоркские бега «большим яблоком». Это выражение так понравилось журналисту, что он назвал свою колонку, посвященную скачкам, «Вокруг Большого яблока». Сначала название колонки в газете стало синонимом нью-йоркских скачек. Десятилетие спустя многие джазовые музыканты начали называть «*Большим яблоком*» джазовую столицу мира – Нью-Йорк. В начале 70-х годов это название сыграло важную роль в возрождении нью-йоркского туристического бизнеса. Сегодня «*Большое яблоко*» приобрело международную известность и стало синонимом культурных и туристических достопримечательностей города [Баско 2003: 119-120] и т. д.

Таким образом, историко-этимологический и лингвокультурный анализ фразеологизмов (прежде всего фразеологизмов собственно русского происхождения как носителей специфической национально-культурной информации) способствует расширению и углублению знаний студентов-иностранцев в области лексикологии. Как показывает практика, незнание идиоматики существенно затрудняет чтение и адекватное восприятие текстов. Особенно публицистические тексты насыщены различными афоризмами, цитатами, идиомами, которые невозможно понять без знания известных фразеологизмов, на трансформации которых нередко они построены. Кроме того, знание наиболее распространенных идиом способствует повышению образности и выразительности собственной речи студентов и осуществлению ими успешной коммуникации с носителями языка. А стремление приблизить

свою речь к уровню разговорной речи носителя языка предполагает свободное (и что особенно важно, уместное) использование в речи фразеологических единиц.

Предложенная классификация русских фразеологизмов, а также исторические комментарии, касающиеся отдельных идиоматических выражений, могут быть использованы в преподавании русского языка как иностранного.

Лексикографические источники

1. Фелицына В. П., Мокиенко В. М. (1990), Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, Москва: «Русский язык».
2. Фразеологический словарь русского языка (1967), Под ред. А. И. Молоткова. Москва: «Советская энциклопедия».
3. Шанский Н. М., Боброва Т. А. (1994), Этимологический словарь русского языка, Москва.
4. Школьный фразеологический словарь русского языка: Значение и происхождение словосочетаний (2002), Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов 5-е изд., стереотип. Москва: «Дрофа».
5. Этимологический словарь русского языка: А – К (1963-1982), Под ред. Н. М. Шанского, т. 1-2, вп. 1-8, Москва.

Список литературы

1. Баско Н. В. (2003), Русские фразеологизмы – легко и интересно, Москва: «Флинта» – «Наука»

2. Минакова Е. Е. (2005), Современная русская идиоматика, Москва: «Русский язык».
3. Шанский Н. М. (1985), Фразеология современного русского языка, 3-е изд., Москва.
4. Школьный фразеологический словарь русского языка: Значение и происхождение словосочетаний (2002), Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. 5-е изд., стереотип. Москва: «Дрофа».

Lexicographic sources

1. Felicyna V.P. Mokienko V.M. Russian Idioms / Ed. by E. M. Vereschagina i V.G. Kostomarov, Moskva: «Russkij jazyk», 1990.
2. Russian Idioms Dictionary, Ed. by A. I. Molotkova. Moskva: «Sovetskaja enciklopedija», 1967.
3. Shanskyj N.M., Bobrova T.A. Russian etymology dictionary, Moskva. 1994.
4. School dictionary of Russian etymology: meaning and origin of collocations, N.M. Shanskyj, V.I. Zimin, A.V. Filipov 5 ed. Moskva: «Drofa», 2002.
5. Russian etymology dictionary: A – K, Ed. by N.M. Shanskyj, v. 1-2, Moskva, 1963-1982.

References

1. Basko N.V. Russian Idioms – easy and funny, Moskva: «Flinta» – «Nauka», 2003.
2. Minakova E.E. Modern Russian Idioms, Moskva: «Russkij jazyk», 2005.
3. Shanskyj N.M. Idioms of modern Russian language, 3 ed. Moskva, 1985.
4. School dictionary of Russian Idioms: meaning and origin of collocations, N.M. Shanskyj, V.I. Zimin, A.V. Filipov 5 ed. Moskva: «Drofa», 2002.

УДК 811.161

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-3-3-35-40

Фуникова С. В.

**ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК АКТУАЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В ГОРОДСКОЙ
КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ Г. БЕЛГОРОДА)**

доцент, кандидат филологических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы 85, г. Белгород, 308000, Россия, *Электронный адрес: funikova.s@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена языковой игре как актуальной тенденции в современной разговорной речи г. Белгорода. Автор статьи выражает мысль о том, что языковая игра выражает одно из главных свойств человеческой психики – способность реагировать на различные внешние и внутренние элементы ситуации общения. Материалом для исследования послужили записи русской разговорной речи в общественном транспорте и на рынке г. Белгорода, Фуникова С.В. исследует особенности языковой игры и функционирование её элементов в речи, а также затрагивает многообразие разговорных жанров городской коммуникации, таких как зазывы, шутивное цитирование, балагурство, игра со словами и т.д. Автор статьи раскрывает специфику языковой игры как формы речевого поведения, которое создается установкой на определенный коммуникативный эффект, достигаемый нестереотипным использованием языковых единиц, когда происходит трансформация формы и содержания языковых единиц. Таким образом данная работа – это своего рода эксперимент, обнаруживающий скрытые резервы языка и представляющий собой одну из форм творческой самореализации личности говорящего.

Ключевые слова: языковая игра; городская коммуникация; разговорные жанры; диалогическое общение.

Funikova S.V.

**LANGUAGE GAME AS AN ACTUAL TREND IN THE URBAN
COMMUNICATION (ON THE MATERIALS OF THE CITY
OF BELGOROD)**

Associate Professor, PhD in Philology, Belgorod state national research University, Pobeda str 85, Belgorod, 308000, Russia, E-mail: funikova.s@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the language game as the current trend in modern colloquial speech of the city of Belgorod. The author expresses the idea that a language game expresses one of the main properties of the human psyche – the ability to respond to various external and internal elements of the situation of communication. Material for the study consists of recordings of colloquial Russian speech in public transport and market, Belgorod, Tunikova S. V. explores features of language play and the functioning of its elements in speech but also affect the variety of spoken genres of urban communication, such as inviting, playful quoting, joking, playing with words, etc. the Author reveals the specificity of the language game as a form of verbal behavior, which creates a setting for a certain communicative effect achieved through unconventional use of language units, when there is a transformation of the form and content of linguistic units. Thus this work is a sort of experiment, finding the hidden reserves of the language and represents a form of creative self-realization of the personality of the speaker.

Key words: language game; urban communication; conversational genres; dialogic communication.

Введение

Исследование того микросоциума, в котором мы находимся, с точки зрения его типичных речевых характеристик представляется актуальным, поскольку отражает как общие процессы, происходящие в обществе, так и

конкретные речевые формы, отличающиеся территориально, создающие определенное своеобразие речевого поведения в той или иной местности.

Развитие современной лингвистики, в частности, лингвистической прагматики,

социолингвистики, психолингвистики, на данном этапе характеризуется повышенным интересом к изучению роли человеческой личности в процессах коммуникации. Мы, опираясь на ряд фундаментальных положений лингвистической прагматики, теории речевой деятельности, теории речевых актов, психолингвистики, социолингвистики, коллоквиалистики, исследуем языковую игру как отражение коммуникативных потребностей личности. Изучение повсеместно распространённого явления языковой игры способствует углублению знаний о системе разговорной речи, об особенностях функционирования её элементов, о многообразии форм современного русского литературного языка.

Будучи неотъемлемой характеристикой живого непосредственного спонтанного диалогического общения, языковая игра выражает одно из главных свойств человеческой психики – способность реагировать на различные внешние и внутренние элементы ситуации общения. Актуальность темы обусловлена возросшим в последние десятилетия интересом к проблемам изучения языковой игры в разговорной речи, в том числе проблемам обучения общению на иностранном языке. Языковая игра представляет собой ту область лингвистики, которая тесно связана с человеком, личностью, а значит её исследование является антропоцентричным по своей сути. Именно этим и обусловлен наш интерес к проблеме.

Теоретической базой данной научной статьи послужили работы ведущих специалистов в области русской лингвистики: Н.Д. Арутюнова, Р.М. Блакар, О.Я. Гойхман и Т.М. Надеина, Т.А. Гридина, М.В. Китайгородская и Н.Н. Рязанова, Л.С. Ковтун, В.Г. Костомаров, Коновалова О.Ю., Формановская Н.И., Е.Н. Ширяева и др. (Список литературы).

Основная часть

Материалом для статьи послужили записи русской разговорной речи в общественном транспорте и на рынке г. Белгорода. В соответствии с задачами нашего исследования нами было отобрано около 300 карточек, содержащих языковой материал, который отражает не только все уровни языка, но и показывает как в городской коммуникации проявляется языковая игра.

В процессе работы мы пользовались следующими **методами** исследования: описательный метод, метод контекстуального

наблюдения и количественной оценки выявленных фактов, сравнение и сопоставление, приемы классификации, обобщения, дифференциации.

Языковая игра как основная тенденция в разговорной речи неоднократно становилась предметом исследований в отечественной лингвистике. Однако в русистике её трактовка в большинстве работ является весьма узкой. Например, многие аспекты в изучении языковой игры, хотя и затрагивались ранее, не получили полного и комплексного описания. Новым в настоящей работе является комплексный анализ коммуникативно-прагматических и формальных особенностей языковой игры на материалах г. Белгорода. Выявляются факторы, которые определяют работу языковой игры в городской коммуникации, определяющей частоту употребления коммуникативов как вообще, так и их отдельных форм и конструкций. Мы предлагаем широкую трактовку коммуникативов, включив в этот класс синтаксические единицы, фатические и информативные средства, выраженные с помощью релятивов и выполняющие функцию реакции. Впервые проводится детальное сравнение различных типов коммуникативов в русской разговорной речи на основе языковой игры

Недостаточная изученность языковой игры как актуальной тенденции в городской коммуникации определила основную **цель работы** – установить общие тенденции игры в сфере социальной коммуникации, а именно: в общественном транспорте и на рынке.

Объектом нашего исследования является языковая игра в устной форме, которая наиболее ярко проявляется в самых массовых сферах городской коммуникации – ситуации купли-продажи на рынке и поездки в общественном транспорте.

Несмотря на то, что в малых жанрах городского фольклора существует много негативных явлений, отраженных, в частности, в сообщениях, объявлениях, ставших непременным атрибутом маршрутных такси, – нарушение паритетности отношений, выражение агрессии, – нельзя не отметить и позитивные моменты, связанные с проявлением языкового творчества. Их наличие, жанровое своеобразие (комментарий, совет, информация) говорит о том, что в стандартную ситуацию речевого общения проникают новые, оригинальные формы выражения мыслей, намерений вступающих в коммуникацию субъектов.

В живой разговорной речи города Белгорода развиваются тенденции к проявлению творческого начала в языке. В этих случаях проявляется установка на кооперативные стратегии речевого поведения, соответствующие тактики и на нетривиальные способы из осуществления, а также на языковую игру.

В лингвистических исследованиях последних лет большое внимание уделяется феномену языковой личности и, в частности, аспекту реализации творческих возможностей индивида в использовании языковых средств. Речетворчество при этом понимается не только как проявление индивидуальности языковой личности, но и как процесс обнаружения возможностей языка, не реализованных в узусе и норме. Проблема языкового творчества предстаёт как соотношение языкового стереотипа (стандарта) и намеренного (осознанного) отклонения от этого стандарта в речевом поведении личности, что обусловлено специальной прагматической установкой речевого акта и индивидуальными возможностями говорящих в реализации потенциала языковых единиц. Одним из процессов, обнаруживающих соотношение стереотипного и творческого начал в речевой деятельности, является так называемая языковая игра.

Говорящий преследует цель достичь запрограммированного прагматического эффекта, ориентируясь на системные стереотипы, закрепленные в сознании носителей языка. Специфика языковой игры как формы речевого поведения создается установкой на определенный коммуникативный эффект, достигаемый нестандартным использованием языковых единиц, когда происходит трансформация формы и содержания языковых единиц. Эффект языковой игры, как правило, окказионален, ибо языковая игра порождает иные, чем в узусе и норме, средства выражения определенного содержания при сохранении или изменении старой формы. Языковая игра – это своего рода эксперимент, обнаруживающий скрытые резервы языка и представляющий собой одну из форм творческой самореализации личности говорящего. В отличие от языкового творчества профессионального характера, имеющего место в литературно-художественном стиле, творческое общение с языковым материалом в разговорном стиле предстает как существенная особенность речевой практики общества в целом. Установка участников коммуникативного акта не только на то, что они говорят, но и на то, как они говорят, подчеркнутое внимание к форме речи (игра со

словами) переводят разговорно-обиходный диалог из серьезной тональности в шутовую. При этом языковая игра выполняет, прежде всего, эстетическое задание: участники диалога получают удовольствие от самой формы речи. Языковая игра впервые была подробно рассмотрена Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой в коллективной монографии «Русская разговорная речь» [5]. Авторы выделяют две стихии языковой игры: балагурство и остроловие. Балагурство уходит корнями в явления народной смеховой культуры. Говорящий не ставит перед собой никаких содержательных целей, кроме одной: не быть скучным, усилить непринужденность общения, развлечь себя и собеседника, а для этого выразиться необычно. Приемы балагурства – фонетическая и морфологическая деформация слов, рифмовка, речевая маска. Остроловие касается содержания: необычная форма выражения связана с более глубоким выражением мысли говорящего и с более образной передачей содержания. Приемы остроловия – стилевой контраст, пародийное использование разных фонетических подсистем, построение необычных слов и словосочетаний, иронические номинации, цитация, каламбуры. На примерах двух сфер обслуживания – рынок и городской транспорт – мы рассмотрим некоторые приемы.

Традиционны для шутовой, озорной речи различные рифмовки слов. Часто на рынке можно услышать: *Берем лучок / бурачок*. В общественном транспорте или на заднем сидле легковых автомобилей читаем: *Не смотри на попы / а смотри на стопы*. Встречаются не просто рифмовки, а небольшие стихотворения: *Думай – не думай / Сиди – не сиди / Будь ты хоть Путин / проезд оплаты*. Интересно отметить, что с возвращением в обиходную речь таких старых жанров городской коммуникации, как устная реклама, зазывы, этот прием приобрел особую популярность. Такие устные зазывы используют клише рекламного типа, отражающие стратегию убеждения. Проиллюстрируем примерами: *Не проходите мимо / выбираем; Мужчина / остановитесь / выбирайте букет; Девушка / не проходите мимо / купите хоть что-нибудь*. Как реклама звучат такие слова: *Индийские кроссовки / фирменные / качество / дешевле, чем на рынке в два раза; Щеточки берем / совершенно не царапают* (о щетках для мытья посуды); *Вот смотрите / очень хорошо стирается / покрыт защитной пленочкой* (о скатерти); *Свеженькие / нежные / готовятся быстро* (об окорочках). Часто продавец предлагает покупателю лично

убедиться в качестве товара: *Да вот смотрите / Вы же сами видите; Я вас не обманываю / вот эти тонкие // Не знаю / как они будут после стирки // А эти / качество // Вы же видите сами* (о спортивных костюмах).

Зазывы могут быть не только в устной форме, но и в письменной. Например, табличка на пивном магазине: *Свежий пивасик и вкусный рыбасик; Самые вкусные хот-доги; Бери большие // Только не обожгись* (на киоске с горячей сдобой); *Ёлочные игрушки / почти даром*. Или большая вывеска у магазина товаров для дома: *Не проходите мимо нас / ценой порадуем мы вас*.

Переводят речь в шутливую тональность и цитаты, как правило, хорошо известные участниками коммуникативного акта. Прием цитации основывается на общности апперцепционной базы и культурного опыта говорящих. Если элементы культурного багажа не совпадают, то говорящий может не достигнуть желаемого стилистического эффекта (для слушающего такие шутливые отсылки-цитаты оказываются безадресными, информативно бедными; возможно при этом и непонимание). Приведем примеры. Наклейка над дверью в маршрутном такси: *Спокойно, Ипполит, спокойно!* (цитата из х/ф «Ирония судьбы или С легким паром!»). Очевидно, что цель такого призыва – немного развеселить и успокоить пассажиров.

Шутливое цитирование нередко сопровождается изменением самой цитаты. Особую активность обнаруживают речевые модели массовой культуры: *А какие-то они маленькие / синюшны // А раньше были белые и пушистые* (об окорочках); *Не имей сто друзей / а имей один теплый костюм; Берем / иначе / кто не успел / тот опоздал*. Наклейка на заднем стекле автомобиля: *100 € и не открываю багажник* (ссылка на телепередачу «Поле чудес», где ведущий предлагает игроку деньги при условии, что последний откажется от приказа из черного ящика). Скорее всего, это послание адресовано в первую очередь сотрудникам милиции. «Народная мудрость» над дверью в маршрутном такси: *Одна голова хорошо, а две – уже некрасиво*.

Известно, что обращение как компонент речи выполняет контактоустанавливающую функцию, является средством интимизации. Оно выражает добрые чувства к собеседнику, внимание к нему и его словам. Обращение часто заменяется или сопровождается перифразами, эпитетами с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Можно привести такие примеры: *А. Ну // Глянь какой // Б. Три рубля? А. Да / да / ягодка моя //; А. Сколько // Б. По двадцать пять / пятьдесят /*

моя лапочка //; Минуточку / моя зая. Очень часто встречаются обращения типа: *Слушаю вас / девочки; Милая / спрашивай / не стесняйся //; Девчата берите молоко //; Девчонки / творог свежайший //; Сейчас / девочки / одну минутку //*. Причем независимо от того, один человек интересуется товаром или несколько, обращение чаще всего представлено именно во множественном числе.

В одной и той же ситуативной роли – например, пассажира, – люди ведут себя по-разному. Единственный, кто в подобных обстоятельствах ведет себя одинаково – это водитель, поскольку он – полноправный хозяин ситуации.

Частный городской транспорт (маршрутное такси) выполняет для водителя определенные социальные функции: это и место работы, и «дом на колесах». Очевидно, что большую часть своей жизни водитель проводит именно в транспорте. Поэтому каждый стремится сделать свое рабочее место максимально комфортным, даже уютным. Абсолютное большинство маршрутных такси в нашем городе имеют почти все атрибуты «настоящего жилища»: сиденья обтянуты мягким кожмитом, на окнах шторы (самых разнообразных тканей и расцветок, иногда с рюшами или бахромой) капот, прикрывающий двигатель, накрыт ковром, а иногда и завешивают заднее стекло. Маленький «салон» водителя часто украшен искусственными цветами или гирляндами, календарями, значками, вымпелами и мягкими игрушками. Часто звучит музыка, именно та, которая нравится водителю. Наконец, следуя традиции, водитель укрепляет на панели управления небольшую икону, иногда не одну – создает своеобразный «красный угол». И так, водитель – «хозяин дома на колесах». И он оказывает нам услугу: за деньги предоставляет возможность воспользоваться его личным пространством. При этом пассажиры оказываются в неравном с водителем положении. Полноценный диалог не предполагается, так как нарушается паритет его участников и уважение к каждому из них. Проявляется социальное неравноправие: пассажиры находятся в известной зависимости от водителя. В связи с этим усложняется социальная роль водителя: он не просто человек, выполняющий определенную функцию, он имеет право диктовать свои условия.

Таким образом, маршрутное такси – это часть мира водителя, его личное пространство, которое мы, пассажиры, арендуем на период поездки. Именно водитель предлагает правила поведения, иногда непосредственно, устно, а

иногда – опосредованно, с помощью расклеенных по салону указаний и комментариев.

Выбор выражений, осуществляемый отправителем сообщения, предполагает тот или иной иллюкутивный эффект, воздействует на получателя. На некоторых примерах письменных текстов мы рассмотрим способы осуществления вербального воздействия на получателя информации (в данном случае им является пассажир общественного транспорта – маршрутного такси).

Проиллюстрируем примерами. Часто расположение объявлений имеет неслучайный характер. На двери снаружи: *Всегда есть свободные места*. Та же мысль может выразиться по-другому: *Стоячих мест немеряно!!!* (орфография оригинала сохранена) – этот вариант отличается стилиевой окрашенностью. Если в первом случае сообщение стилистически нейтрально, то во втором примере явно эксплуатируется стилистически сниженная, близкая к просторечию лексика (*стоячие места, немеряно!!!*).

Большинство надписей в совокупности представляют собой свод правил, своеобразный кодекс поведения, прежде всего, пассажиров. Правила эти разнообразны и выбор их зависит в значительной мере от водителя. Можно выделить группу объявлений, носящих инструктивный характер. Эта группа выполняет побудительную прагматическую функцию. Пример: *Уважаемые пассажиры!!! Убедительная просьба:*

- мороженое и конфеты есть с оберткой
- фрукты есть вместе со шкуркой и
огрызками

- пиво и водку пить вместе с бутылкой

Заранее благодарим (пунктуация оригинала сохранена).

Этот пример направлен против нарушения правил поведения пассажирами, в нем сохраняются элементы вежливого обращения, однако само содержание оставляет двойственное впечатление, поскольку за вежливой формой скрывается проявление неуважения. По сути, пассажирам предлагается употреблять в пищу огрызки и бутылки.

Приходится констатировать, что вежливое обращение *Уважаемые пассажиры* встречается крайне редко. Напрашивается сравнение с речевыми шаблонами, используемыми в московском метрополитене. Сообщения всегда начинается именно с этого обращения. Если говорить об общественном транспорте в

Белгороде, то ни в устной, ни, тем более, в письменной речи почти не встречаются подобные вежливые формулы. Как правило, в текстах объявлений, расклеенных по салону маршрутного такси, обращений нет вообще. Единственный случай употребления данной формулы встретился в приведенном контексте. Отметим примеры со стилистически нейтральной лексикой, но, тем не менее, содержащие оттенки угрозы: *Во избежание тяжелых травм крепко держитесь за поручни, а главное, своевременно оплачивайте проезд*. А в следующих примерах явно чувствуется скрытая угроза: *Не обижай водителя!* (а не то...); *Не говори мне, как ехать, а я не скажу, куда тебе идти*. Примером, иллюстрирующим высшую степень пренебрежения человеком и полное отсутствие уважения, служит следующее объявление на двери маршрутного такси: *Прежде чем войти, подумай, нужен ли ты?*

Одна из самых суровых инструкций, содержащих категорический приказ, звучит следующим образом: *Говорить – тихо, просить – скромно, платить – четко, выходить – быстро*. В этой ситуации водитель присваивает право приказывать.

Заключение

Мы заметили, что в живой разговорной речи города развиваются тенденции к проявлению творческого начала в языке. В этих случаях проявляется установка на кооперативные стратегии речевого поведения, соответствующие тактики и на нетривиальные способы из осуществления, а также на языковую игру.

В итоге можно сказать, что облекая свои пожелания в более или менее социально приемлемую форму (шутка, официальное послание), водитель, тем не менее, достаточно агрессивно настроен по отношению к пассажирам. На рынке или в магазине такой агрессии нет, более того в общественном транспорте часто проявляется, скрытая агрессия за внешне вежливой формой. Это влияет на эмоциональное состояние пассажиров. Постепенно в социуме формируется представление, что такие формы социально приемлемы, что агрессия допустима.

А использование примеров языковой игры – следствие сознательного отхода от стереотипов мышления. Оно связано с проявлением личностного начала в речи, с реализацией творческих установок на шутку, балагурство, остроумие.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Диалогическая цитация (к проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. 1986. №1. С. 50-52.
2. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти. Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. 190 с.
3. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Основы речевой коммуникации. Учебник для вузов / под ред. проф. О.Я. Гойхмана. М., 1997. 421 с.
4. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Монография. – Екатеринбург, 1996. 201 с.
5. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи. Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 90-136.
6. Китайгородская М.В., Рязанова Н.Н. Речевые одежды Москвы // Русская речь. – 1994. – №2-3. – С. 50-53.
7. Ковтун Л.С. Из истории русской разговорной речи. Русская разговорная речь. Саратов, 1970. 156 с.
8. Коновалова О.Ю. Языковая игра в современной русской разговорной речи. Владивосток: Издательство ВГУЭС, 2008. С. 196.
9. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. М.: Флинта, 2013. 184 с.
10. Розанова Н.Н. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Прогресс. 1983. 256 с.
11. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Издательство «ИКАР». 2007. 480 с.
12. Ширяев Е.Н. Культура русской речи и эффективность общения. М.: Флинта. 1996. 287 с.

References

1. Arutyunova N.D. Dialogic citation (to the problem of foreign speech) // Questions of linguistics. 1986. №1. S. 50-52.
2. Blakar R.M. Language as an instrument of social power. Language and modeling of social interaction. M., 1987. 190 p.
3. Goikhman O.J., Nadeina T.M. Fundamentals of speech communication. Textbook for universities / ed. prof. OJ Goikhman. M., 1997. 421 p.
4. Gridina T.A. Language game: the stereotype and creativity. Monograph. – Ekaterinburg, 1996. 201 p.
5. Zemskaya E.A., Kitaygorodskaya M.A., Rozanov N.N. Features male and female speech. Russian language in its functioning. Communicative-pragmatic aspect. M.: Nauka, 1993. pp 90-136.
6. Kitaygorodskaya M.V., Ryazanov N.N. Speech clothes Moscow // Russian speech. 1994. №2-3. P. 50-53.
7. Kovtun L.S. From the history of Russian speech. Russian colloquial speech. Saratov, 1970. 156 p.
8. Konovalova O. Language game in modern Russian colloquial speech. Vladivostok: VSUES Publishing, 2008. P. 196.
9. Kostomarov V.G. Russian language on the newspaper strip. M.: Flint, 2013. 184 p.
10. Rozanov N.N. Russian Speaking: Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture. M.: Progress. 1983. 256 p.
11. Formanovskaya N.I. Voice interaction: communication and pragmatics. M.: "IKAR" Publishing. 2007. 480 p.
12. Shiryayev E.N. Culture of Russian speech and efficiency of communication. M.: Flint. 1996. 287 p.

РАЗДЕЛ V. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

УДК 372.8

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-3-3-41-48

Матиенко А.В.

МОНИТОРИНГ КАК ФОРМА АЛЬТЕРНАТИВНОГО КОНТРОЛЯ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Северо-Западный институт управления Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования, "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", заведующая кафедрой иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент, Россия, Санкт-Петербург, +79834440918

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема формирования контрольно-измерительной компетенции личности в рамках концепции когнитивно-коммуникативного контроля в обучении иностранному языку. Реализация данной концепции предполагает отслеживание результатов, полученных в процессе тестирования. Проводимый студентами мониторинг по результатам тестирования нацелен на отслеживание развития собственной коммуникативной компетенции, самонаблюдение над использованием стратегий подготовки, выполнения и последующего анализа тестовых заданий, рефлексию выполняемой учебной и тестовой деятельности с разработкой собственных рекомендаций по ее совершенствованию. Цель данного мониторинга – представить в динамике познавательную деятельность студентов, преобразовать тестирование в учение и создать условия для реализации их личностного потенциала в учении и тестировании. Выводы подтверждены данными многомерного статистического анализа.

Ключевые слова: когнитивно-коммуникативный контроль, контрольно-измерительная компетенция, тестирование по иностранному языку, мониторинг, коммуникативная компетенция, тестовые стратегии, развивающие умения, учебно-тестовый портфель, познавательная деятельность, многомерный статистический анализ.

Matienko A.V.

MONITORING AS A FORM OF ALTERNATIVE CONTROL IN A FOREIGN LANGUAGE

North-West Institute of Management of the Russian Federation Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Head of Department of Foreign Languages, PhD in Philology, Associate Professor, Russia Saint-Petersburg, +79834440918

Abstract. The present article is devoted to the investigation of the problem of formation of individual's assessment activity within the concept of cognitive-communicative control in learning a foreign language. Implementation of this concept involves monitoring the results obtained in the testing process. This monitoring is carried out by students, it is based on their own test results and is aimed at monitoring the development of their own communicative competence; introspection over the use of testing strategies, implementation and subsequent analysis of test tasks; reflection of the carried out learning and testing activities to develop their own recommendations for its improvement. This monitoring is aimed at the representation of students' cognitive activity in dynamics, convert testing to the learning process and to create conditions for realizing their personal potential in learning and testing. The conclusions were confirmed by multidimensional statistical analysis.

Key words: cognitive-communicative control; assessment activity; foreign language testing; monitoring, communicative competence; testing strategies; developing skills; learning and testing portfolio; cognitive activity; multidimensional statistical analysis.

Специфической особенностью современного этапа развития вузовского образования является

новый взгляд на социальные роли его участников. Функцией обучаемого становится не только

«потребление» интеллектуальной и духовной культуры, но и обогащение ее самим фактом своего творческого развития в разнообразных формах индивидуальной и совместной с преподавателем и коллегами по учебе деятельности [4,5]. В настоящей статье ставится мало исследованная проблема формирования у студентов контрольно-измерительной компетенции, основанной на теории, технике и технологии современных педагогических измерений уровня учебных достижений обучаемых, что и обуславливает потребность в совершенствовании теории и технологии процедур контроля, необходимость повышения эффективности использования результатов контроля путем оперативного реагирования на индивидуальные особенности познавательной деятельности обучающихся [7, 8, 9].

Наиболее полная реализация контрольно-измерительной компетенции личности возможна, если сформирована способность личности управлять контрольно-измерительной деятельностью, т. е. осуществлять длительный мониторинг [7, 8] для измерения своих достижений в учебно-познавательной деятельности при помощи комплекса коммуникативных и когнитивных средств, технологий и инструментов, используемых при проведении научно-исследовательской деятельности.

Реализация концепции когнитивно-коммуникативного контроля [2, 3] в обучении иностранному языку предполагает мониторинг, т.е. отслеживание результатов, полученных в ходе тестирования компонентов коммуникативной компетенции обучающихся, являющейся объектом как традиционного, так и альтернативного тестирования, умений обучающихся пользоваться стратегиями выполнения тестов, а также развивающих умений обучающихся, которые активно формируются в условиях альтернативного языкового тестирования за счет реализации идей гуманистической идеологии и превращения обучения в учение [7, 8, 9].

Разработанная методика и технология организации альтернативного языкового тестирования на основе когнитивно-коммуникативного подхода была реализована при помощи мониторинга обучающимися собственных учебных достижений под руководством ведущего преподавателя. В

качестве тестируемых выступили 2 группы студентов (30 человек) 2 курса Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ, обучающихся по направлению: 41.03.05 «Международные отношения». Мониторинг длился в течение учебного года (с сентября по июнь 2016 года).

Работа над каждым разделом учебно-тестового портфеля предполагала мониторинг формирования коммуникативной компетенции, тестовых стратегий и развивающих умений. Проводимый студентами мониторинг означал отслеживание развития собственной коммуникативной компетенции, самонаблюдение над использованием стратегий подготовки, выполнения и последующего анализа тестовых заданий, рефлексию выполняемой учебной и тестовой деятельности с разработкой собственных рекомендаций по ее совершенствованию [7, 8, 9].

В ходе и результате проведенной опытной работы сложилась структура мониторинга учебно-тестовой деятельности студентов. Данная структура состояла из следующих элементов: цели, средств, участников (субъектов), объектов и предмета мониторинга.

Целью мониторинга, как мы указали выше, было представить в динамике познавательную деятельность студентов, преобразовать тестирование в учение и создать условия для реализации их личностного потенциала в учении и тестировании. Средством мониторинга был учебно-тестовый портфель, на материале которого студенты анализировали свою учебную деятельность [9]. Активными участниками (субъектами) мониторинга были сами студенты в сотрудничестве со своими одноклассниками и преподавателями. Объекты мониторинга включали формирование коммуникативной компетенции, овладение тестовыми стратегиями и становление развивающих умений. Наконец, предметом мониторинга был рост познавательных возможностей учащихся, выражаемый в их активном учении, самореализация себя как личности в сотрудничестве с учителем и учащимися, а также рост учебно-тестовых показателей. Покажем структуру учебно-тестового мониторинга учащихся (рис. 1):

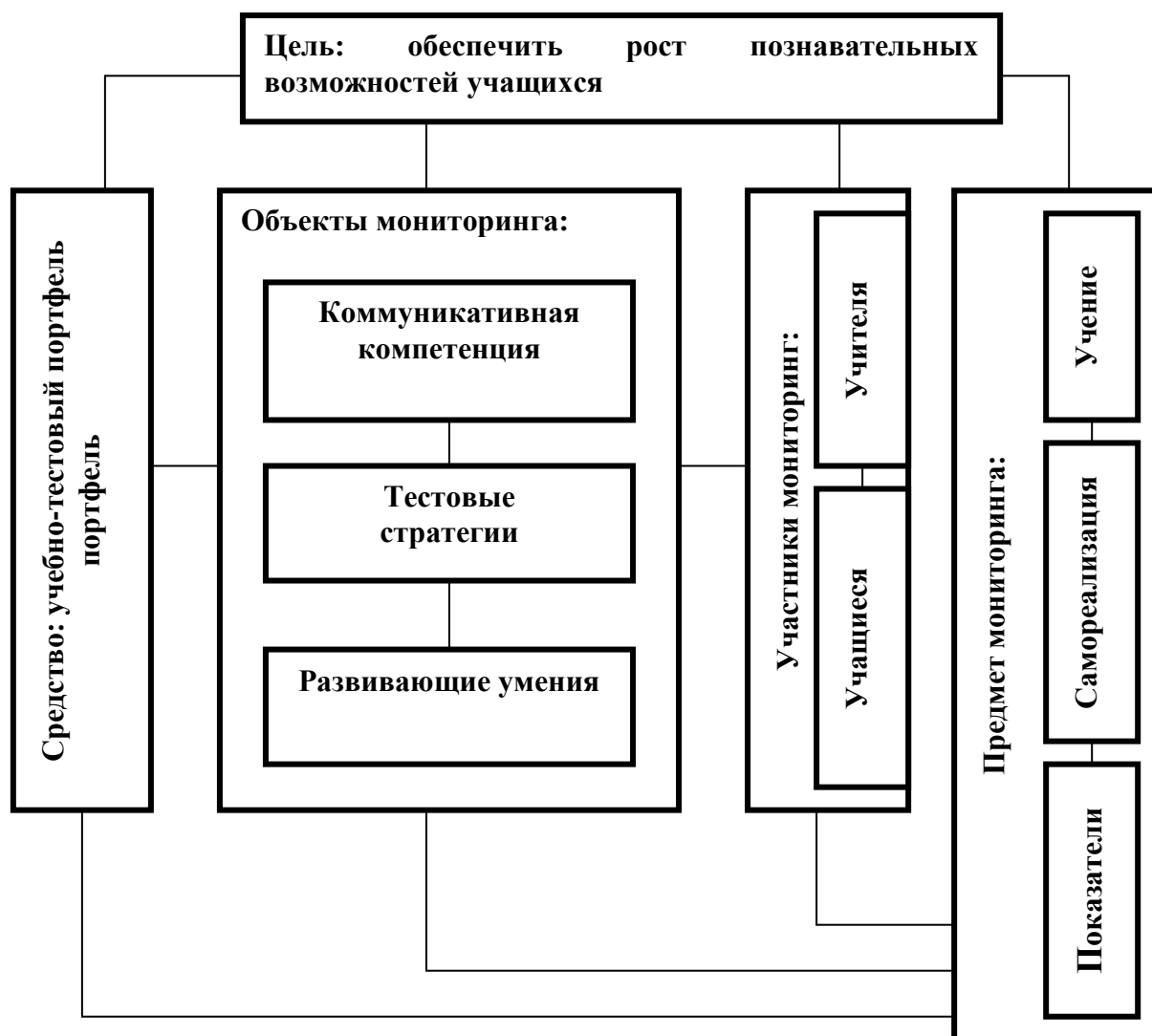

Рис. 1. Мониторинг учебно-тестовой деятельности
Fig. 1. Monitoring of the training and test activity

В ходе опытной работы была предпринята попытка реализовать представленную структуру. Для получения объективно доказательных результатов мониторинга были использованы методы многомерного статистического анализа, позволяющие характеризовать наблюдаемый объект множеством переменных, такие как кластерный и дискриминантный анализы, критерий T^2 Хотеллинга. Также были использованы сравнительные критерии: t – критерий Стьюдента, Манна-Уитни [1, 6, 10]. В свете этого мы можем говорить о доказательной педагогике, основными постулатами которой являются: каждое решение педагога должно основываться на научных данных; вес каждого факта тем больше, чем строже методика научного исследования, в ходе которого он получен.

Мониторинг развития коммуникативной компетенции представлял собой отслеживание процесса коммуникативного развития, осуществляемое самими студентами. С целью мониторинга развития коммуникативной компетенции в учебно-тестовый портфель в полном объеме включались задания стандартизованного тестирования. Эти задания позволяли проверить уровень всех видов речевой деятельности студентов (говорение, слушание, чтение и письмо) а также их грамотность, словарный запас и владение фразеологией. Результаты выполнения этих заданий (оценки преподавателя) вносились студентами самостоятельно в таблицу с указанием номера и даты тестирования. Материалы таблицы позволяют проследить, какие результаты были

получены студентами по соответствующим типам стандартизованных тестовых заданий, и какова была динамика этих показателей: количество хороших и отличных оценок, полученных в сентябре на начальном этапе мониторинга и количество хороших и отличных оценок, полученных этими же учащимися в июне на заключительном этапе мониторинга.

Наглядные и объективные результаты дают данные, полученные в ходе многомерного статистического анализа (t-критерий Стьюдента). Определенные закономерности проявились по временным отрезкам: 1 группа – сентябрь; 2 группа – октябрь, ноябрь, декабрь; 3 группа – январь, февраль; 4 группа – март, апрель; 5 группа – май, июнь. Объединение данных временных отрезков можно объяснить спецификой учебного

процесса: сентябрь – начало учебного года, адаптационный период у студентов после летних каникул; октябрь, ноябрь, декабрь – активизация студентов, интенсивная вовлеченность в учебный процесс; январь, февраль – спад учебной активности объясняется наличием большого количества праздничных дней и зимними каникулами; март, апрель – небольшой рост учебной активности, связанный с началом второго семестра и влиянием весенних месяцев; май, июнь – значительный рост учебной активности, связанный с окончанием семестра и подведением итогов года. Рассмотрим итоговую таблицу, позволяющую проанализировать конечные результаты между группами 1 (начальный этап мониторинга) и 5 (конечный этап мониторинга) (рис. 2).

Переменная	T-tests; Группировка код 3 (B - M) Group 1: 1; Group 2: 5 p<,00029		
	Mean 1	Mean 5	p по Манну-Уитни
Lfg 1	3,633333	3,933333	0,164728
Lfc 2	3,266667	3,983333	0,002444
Lfd 3 4	3,000000	3,916667	0,000305
Sct 5	4,033333	4,200000	0,346462
Sit 6	3,233333	3,650000	0,109690
Sgi 7	3,233333	3,816667	0,009981
Rfg 8	3,900000	4,016667	0,541244
Rfc 9	4,366667	4,216667	0,304691
Rfd 10	3,933333	3,983333	0,811446
Wrex 11	3,266667	3,633333	0,130947
Wrd 12	3,333333	3,650000	0,200976
Wra 13	2,966667	3,583333	0,011144

Рис 2. Сравнение групп 1 и 5 по тестированию видов речевой деятельности
Fig. 2. Comparing test results in various kinds of speech activities in groups 1 and 5

В таблицах представлены различия между выше обозначенными группами по всем признакам, связанным с тестовыми заданиями по 4 видам речевой деятельности: аудированию, говорению, чтению, письму. Между группами 1-5, наблюдается существенный рост (существенными считаются различия при $p < 0,05$) по признакам listening for content (Lfc 2), listening for details (Lfd 3 4), giving

information (Sgi 7) в области выполнения тестовых заданий по говорению, argumentative writing (Wra 13) При этом незначительный рост между 1 группой в начале нашего исследования и 5 группой на конечном этапе нашего исследования наблюдается по всем переменным, соответственно, по всем видам речевой деятельности, что позволяет сделать вывод об общей положительной динамике

данного мониторинга (p по T^2 Хотеллингу меняется от 0,062 до 0,00029).

Включенные в матрицу форматы тестовых заданий оценивались студентами после выполнения ими тестовых заданий и позволяли организовать мониторинг развития тестовой компетенции студентов в виде овладения тестовыми стратегиями. Владение форматами тестирования оценивалось студентами самостоятельно или вместе с преподавателем.

Освоение различных тестовых форматов –

процесс, растянутый во временном пространстве, в течение одного учебного года сдвиг в положительную сторону невелик, но он присутствует. Между начальной точкой и конечным результатом есть множество промежуточных моментов, наглядно показывающих сложность процесса овладения тестовыми форматами. В качестве примера рассмотрим линейное вычерчивание, представляющие различные тестовые форматы по месяцам мониторинга (рис. 3).

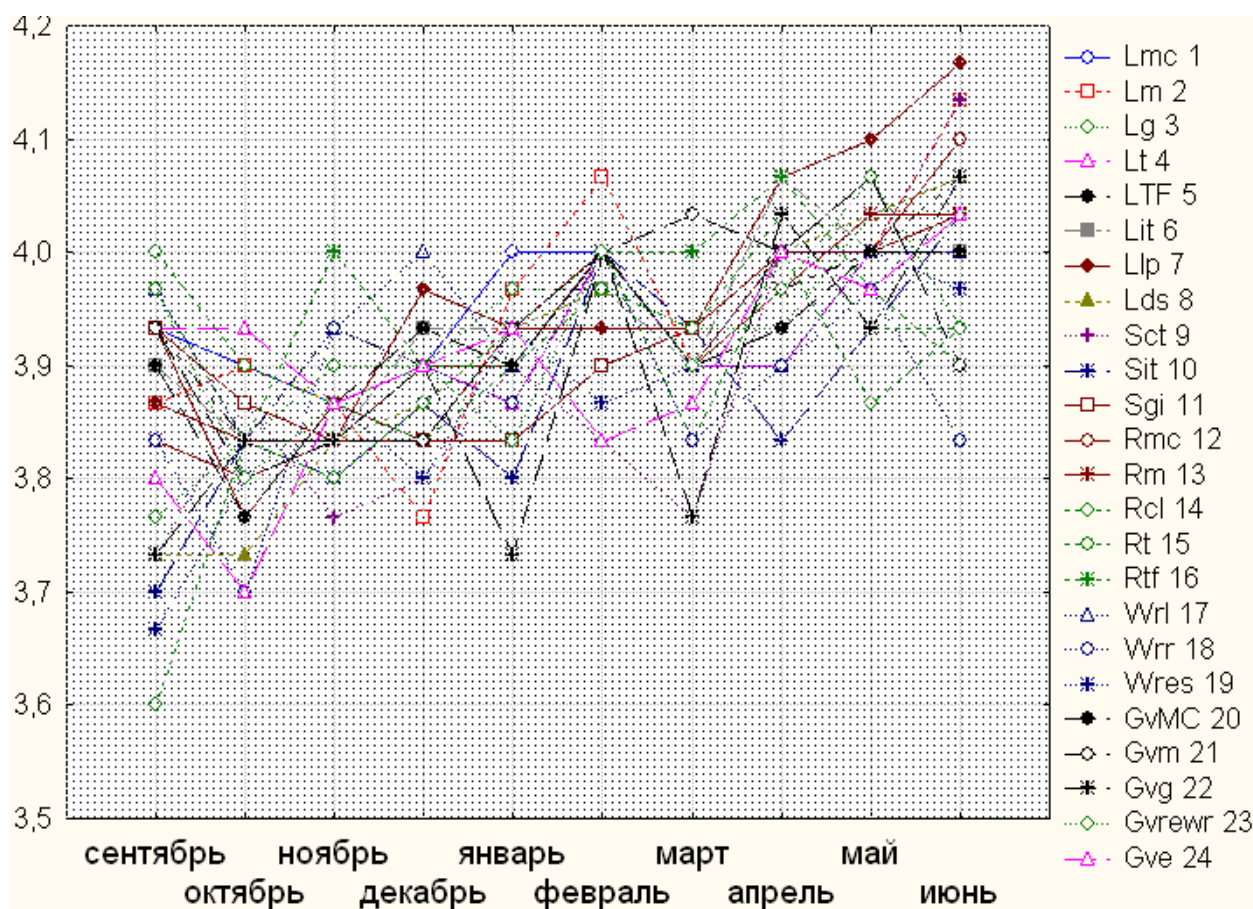

Рис. 3. Процесс формирования результата за период мониторинга (сентябрь – июнь)
Fig. 3. The process of result development during the period of monitoring (September – June)

Для промежуточного этапа характерны ухудшения, резкие улучшения, зависание на одном уровне, но конечный результат оправдывает наши ожидания и дает положительную динамику по всем предложенным студентам 24 тестовым форматам.

Эффективность использования тестовых стратегий в ходе нашего мониторинга можно представить графически следующим образом (рис. 4).

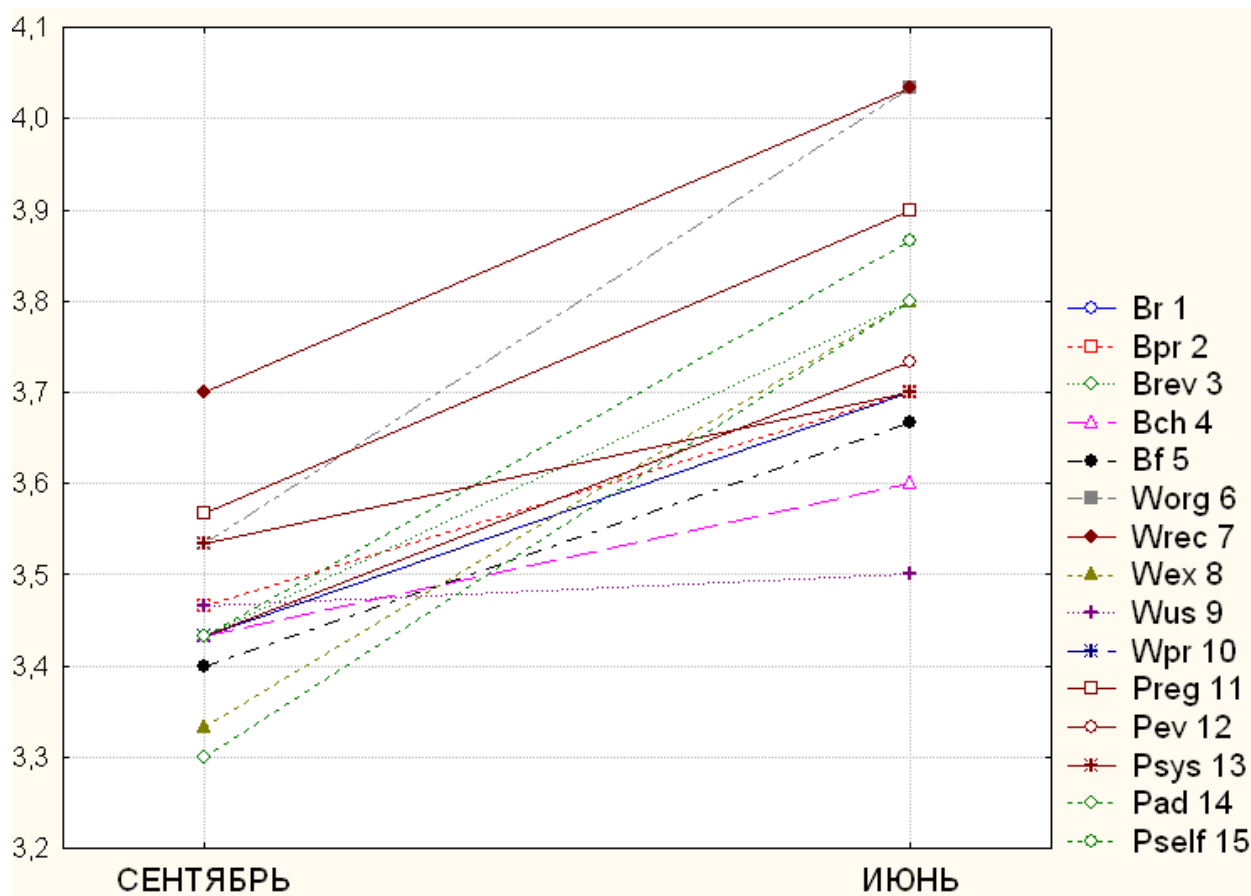

Рис. 4. Начальный и конечный результаты (сентябрь – июнь) по использованию тестовых стратегий
Fig. 4. Initial and final results (September – June) of using test strategies

Наблюдается четкая линейная зависимость в сторону роста показателей по использованию всех тестовых стратегий до, во время и после тестирования между начальным и конечным этапами мониторинга. Длительность нашего мониторинга (10 месяцев) позволила учащимся узнать ранее неизвестные и неиспользуемые ими тестовые стратегии и активно применять их для альтернативного контроля собственных знаний.

В ходе мониторинга студентами своей коммуникативной компетенции, качество их учения интерпретировалось в соответствии с имеющимися у них опытом учебно-тестовой деятельности, реальными познавательными возможностями и потенциалом роста знаний. Их

тестовые стратегии сопоставлялись с характерными познавательными стилями и тестовыми стратегиями. Развивающая компетенция рассматривалась, как объективно наблюдаемая готовность студентов анализировать свою познавательную деятельность, преодолевать возникающие затруднения и обеспечивать рост своих учебных показателей по результатам языкового тестирования.

Обратившись к кластерному анализу по всем вышеперечисленным переменным, оценивающим развивающие умения учащихся, можно проследить, каким образом студенты группируют эти критерии (рис. 5).

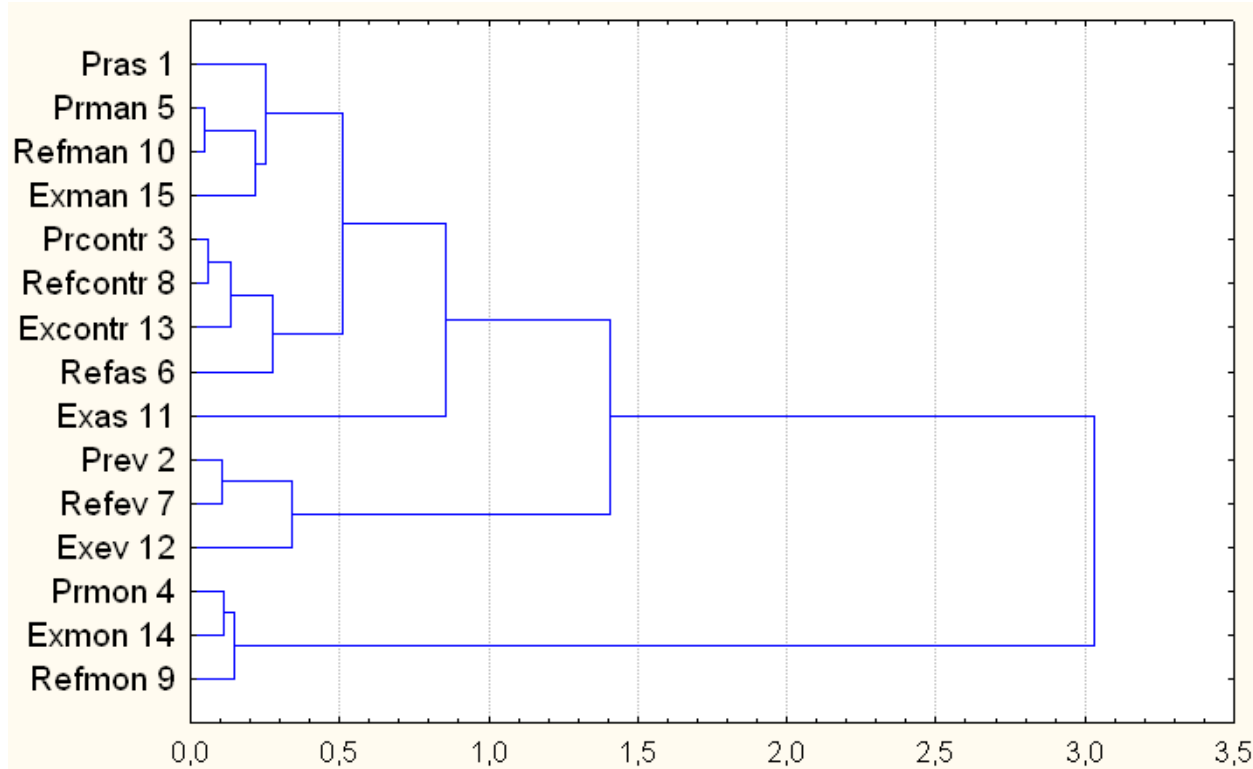

Рис. 5. Дерево объединения в кластер по критериям методом Уорда, в качестве меры сходства – евклидова метрика
Fig. 5. The tree of combining into clusters according to criteria with Ward method; the measure of similarity – Euclidian metric

В первую группу кластера входят прогностические и рефлексивные умения, позволяющие предвидеть результат (Pras 1) и проанализировать его (Refas 6); прогностические, рефлексивные и исполнительные умения по управлению успешностью своей деятельности, позволяющие предвидеть, как получить хороший результат (Prman 5), объяснить причины (Exman 15) и спрогнозировать следующий, более лучший результат (Refman 10); прогностические, рефлексивные и исполнительные умения следовать определенным стандартам, предъявляемым к выполняемым тестовым заданиям (Prcontr 3, Refcontr 8, Excontr 13). Вторая группа кластера объединяет прогностические, рефлексивные и исполнительные умения осмысливать полученный результат (Prev 2, Refev 8, Exev 12) – предвидеть причины получения данного результата, проанализировать их, осмыслить, как устранить неудачи для улучшения своего результата. В третью группу кластера входят прогностические, рефлексивные и исполнительские умения по отслеживанию изменений в сторону улучшения своего результата (Prmon 4, Exmon 14, Refmon 9). Только

одно умение осталось обособленным, не вошло ни в один кластер – умение определить, насколько можно улучшить свой результат (Exas 11). Логическая цепочка выглядит следующим образом: сначала студенты думают о том, **что** конкретно они могут иметь и имеют, затем **почему** они это могут иметь и имеют на уровне объяснения и на уровне осмысления, **как** это изменить. Вопрос **насколько** это можно изменить представляется для них трудным, так как это требует анализа по всем выше приведенным позициям и полного заключительного обобщения.

Экспериментальные данные, полученные в ходе опытного обучения, показывают, что когнитивно-коммуникативный контроль в обучении иностранному языку в форме языкового тестирования как проверка достижений студентов в овладении иностранным языком в ходе длительного мониторинга учебной и тестовой деятельности с помощью учебно-тестового портфеля оказался весьма эффективным для превращения тестирования в учение, повышения учебных показателей и самореализации познавательных возможностей личности студентов [11]. Мониторинг контрольно-измерительной деятельности

студентов эффективно осуществлялся с помощью учебно-тестового портфеля. В ходе мониторинга отслеживалось развитие коммуникативной компетенции студентов, формирования у них тестовых стратегий, а также общеучебных умений развивающего характера. Объективность полученных результатов подтверждается данными многомерного статистического анализа.

Список литературы

1. Алферова, М.А. Основы прикладной статистики//Учебно- метод. пособие, вып. 2 / М.А. Алферова, И.М. Михалевич, Н.Ю. Рожкова. – Иркутск, 2003. – 101 с.
2. Барышников Н.В. Коммуникативно-когнитивный подход к чтению // Когнитивная методика обучения иностранным языкам в разных условиях (тезисы Всероссийской конференции). – Пятигорск, 1999. – С.5-8.
3. Виноградова Е.В. Лингво-когнитивные аспекты модели обучения иностранному языку //Обучение иностранным языкам: традиции и инновации. Межвуз. сб. научных статей. – Пятигорск, 2001. – С.54-60.
4. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (в поисках практико-ориентированных образовательных концепций). – М.: Совершенство, 1998.- 608 с.
5. Гинзбург М.Е. Универсальность как социальная характеристика выпускника вуза: социологический анализ: автореф. дис. ... к. соц. наук: 22.00.06. – Екатеринбург. 2005. 17 с.
6. Девис, Дж. С. Статистический анализ данных в геологии / Дж. С. Девис. – М.: Недра, 1990. – Т.1. – 312 с.
7. Матиенко, А. В. Альтернативный контроль в обучении иностранному языку как средство повышения качества языкового образования [Текст] : дис. ... д-ра пед. наук 13.00.02 / Матиенко Анжелика Валерьевна ; Иркутский гос. лингв. ун-т. – Тамбов, 2009. – 369 с.
8. Матиенко, А. В. Методическая концепция когнитивно-коммуникативного контроля в системе обучения иностранному языку студентов лингвистического вуза [Текст] : дис. ... д-ра пед. наук 13.00.02 / Матиенко Анжелика Валерьевна ; Иркутский гос. лингв. ун-т. – Нижний Новгород, 2012. – 353 с.
9. Матиенко, А. В. Учебно-тестовый портфель как альтернативная форма языкового тестирования [Текст] / А. В. Матиенко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 5. – С.160-163.

10. Юнкеров, В. И. Математико-статистические методы обработки данных медицинских исследований [Текст] / В. И. Юнкеров, С. Г. Григорьев. – СПб., 2002. – 266 с.

11. Матиенко, А.В. Предмет языкового тестирования с позиций когнитивно-коммуникативного подхода // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 2. С. 278-281.

References

1. Alferova M.A. Fundamentals of Applied Statistics / M.A. Alferova, I.M. Mikhalevich, N.U. Rozhkova // Teaching Method. Handbook, vol. 2. Irkutsk, 2003. 101 p.
2. Baryshnikov N.V. Communicative and Cognitive Approach to Reading. Cognitive methods of Teaching Foreign Languages in Different Conditions (All-Russian conference abstracts) /Pyatigorsk, 1999. Pp.5-8.
3. Davis G.S. Statistical Analysis in Geology. Moscow: Nedra, 1990. Vol.1. 312p.
4. Gershunskiy B.S. Philosophy of Education for the XXI century (in search of practical-oriented educational concepts)]. Moscow: Sovshenstvo, 1998. 608 p.
5. Ginzburg M.E. Versatility as a Social Characteristic of the Graduates: the sociological analysis/ Abstract of Dissertation for the Degree of Candidate of Sociology. Ekaterinburg. 2005. 17 p.
6. Matienko A.V. Alternative Control in Learning a Foreign Language as a Means of Improving the Quality of Language Education/ Dissertation for the Degree of Doctor of Pedagogical Sciences.Tambov: Tambov State University Publ., 2009. 369 p.
7. Matienko, A.V. (2012). Methodical Concept of Cognitive-Communicative Assessment in a Foreign Language Learning System for Linguistic University Students]. Doctoral Dissertation in Pedagogical Sciences. Irkutsk Linguistic State University. Nizhniy Novgorod.
8. Matienko, A.V. (2008). Training Test Portfolio as a Means of Alternative Language Testing Form. *Izvestiya of Volgograd State Pedagogical University*, 5. Pp.160-163.
9. Unkerov, V.I. (2002). Mathematical-statistical Methods of Data Processing for Medical Research. St-Petersburg.
10. Vinogradova, E. V. (2001). Linguistic and Cognitive Aspects of Foreign Language Teaching Models. Foreign Languages: Tradition and Innovation: A collection of scientific articles. Pyatigorsk. Pp. 54-60.
11. Matienko, AV The subject of Language Testing from the standpoint of cognitive-communicative approach // Journal of Pyatigorsk State Linguistic University. 2011. № 2. Pp. 278-281.